

ИОСИФ ЦИММЕРМАНН

ЛЬВОВСКОЕ ВЫСШЕЕ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УЧИЛИЩЕ
1986 – 1990

**ВЫЙТИ
ИЗ СТРОЯ!**

Иосиф Циммерманн

Выйти из строя!

«Автор»

2026

Циммерманн И. А.

Выйти из строя! / И. А. Циммерманн — «Автор», 2026

Конец восьмидесятых. Курсант Львовского высшего военно-политического училища Иосиф Циммерман мечтает стать офицером и журналистом. Советский Союз еще существует, но привычный мир уже начинает трещать по швам. «Выйти из строя» — роман о взрослении и выборе, о курсантской дружбе и военном братстве, о любви и предательстве, об уходящей эпохе и о человеке, который однажды окажется перед выбором: смириться с произволом или выйти из общего строя.

© Циммерманн И. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Домой	6
Передумал	9
В чужие края	22
Взвейтесь соколы орлами	28
Упс, кажется, ошибка...	29
За шлагбаумом	35
Сергиево имя	38
Ласточка перестройки	43
Странная география	48
Особые надежды	52
Через Киев в Тулу	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Иосиф Циммерманн

Выйти из строя!

Глава

Выпускник факультета журналистики Львовского высшего военно-политического училища.

Публиковаться начал еще в годы учебы. Работал корреспондентом газеты советских немцев «Neues Leben», возглавлял пресс-центр Всесоюзного общества советских немцев «Wiedergeburt» («Возрождение»).

После распада Советского Союза эмигрировал в Германию. Автор книг «Чужбина», «Амалин век», «Прошлого груз», «Жаворонок Ёся», «Ёськин самовар», «Бравый солдат Йозеф», двухтомника «Илек помнит все» и других произведений.

Сегодня живет на испанском острове Гран-Канария.

Домой

Над расположением дивизиона висело низкое, свинцовое небо. С самого утра моросил мелкий, почти невидимый дождь — тот самый, что не льет, а медленно въедается в шинели, в сапоги, в настроение. По кромке стройплаца — места, где проходила едва ли не половина солдатской жизни, — тянулась пожухлая осенняя трава, прибитая сыростью к земле. А за ней — сплошное месиво чернозема, вопреки запретам и постоянным окрикам командования изрезанное сотнями следов солдатских кирзачей.

«Придурки», — невольно мелькнула мысль у старшины батареи. «Нет бы, как нормальные люди, по асфальту ходить... И не лень же им потом сапоги от грязи отмывать».

Перед строем, возле длинного казарменного корпуса с темными окнами, стоял подполковник Цуроев — широкоплечий кавказец с волевым, будто высеченным из камня лицом. Низко надвинутая фуражка скрывала глаза, и от этого комбат казался суровее. На ладонях офицер держал раскрытый полевой кожаный планшет, зачитывая по лежавшим там записям план занятий и работ на день. Время от времени налетавший ветер трепал полы его шинели и уносил часть слов, оставляя строю лишь невнятные обрывки фраз...

— Сержант Циммерман, — неожиданно оторвав взгляд от бумаг в планшете, резко потребовал командир дивизиона. — Выйти из строя!

Иосиф удивился, что комдив, вопреки уставу, не уточнил, на сколько именно шагов. Не дождавшись пояснения, срочник сделал два шага вперед, как счел нужным, остановился и резко повернулся лицом к строю. Под металлическими набойками каблучков гулко хрустнул мокрый осенний асфальт стройплаца.

— Приказом от 21 октября 1985 года, за успехи в боевой и политической подготовке, вам присваивается звание старшего сержанта.

— Служу Советскому Союзу! — заученно отозвался двадцатилетний военный и тут же едва заметно поморщился: «Только этого мне не хватало. Теперь придется менять лычки на уже готовой дембельской парадке».

Офицер закрыл потертый полевой планшет, подошел к Иосифу и по-отцовски похлопал его по плечу.

— Ну что, товарищ старший сержант... — в его голосе впервые за все построение послышались мягкие тона. — Осталось тебе, Яшка, совсем немного. В последней декаде ноября — домой. В запас.

Циммерман невольно усмехнулся. Кличка его питомца — дивизионного любимца, круторогова козла Яшки, — прилипла и к нему самому. Большинство стоявших сейчас в строю солдат уже, наверное, и не догадывались, что старшину зовут вовсе не Яшка, а Иосиф.

На «дембеля», командира операторов наведения ракет, в эту минуту смотрели сотни пар завистливых глаз. Вот только сам Иосиф почему-то не чувствовал радости. Циммерман уже давно заметил за собой одну странность — он не любил перемен. А порой даже боялся их. Почему? Наверное, потому, что любые изменения, даже ожидаемые и вроде бы добрые, всегда таили в себе неизвестность. У молодого человека накопилось за плечами достаточно горького опыта, чтобы понимать: покидая то, к чему привык, что устоялось и проверено жизнью, человек невольно ступает на зыбкую дорогу, где все может пойти совсем не так — не по плану и не по правилам...

Домой?.. А где он, этот дом, у сироты? Иосиф родился в небольшом поселке Аккемир, затерянном среди степей северо-западного Казахстана. В четыре года у него умер отец, а в девять не стало и мамы. После десятилетки выпускник уехал жить и работать в Россию — на тульский самоварный завод. Туда теперь и собирался вернуться.

Но можно ли назвать Тулу его домом? Во всяком случае, именно там сейчас ждали его самые близкие сердцу люди: вахтерша заводского общежития тетя Мотя и воспитательница Людмила Владимировна. Уже одно это придавало полумиллионному городу-герою ощущение дома.

Примерно месяц назад увольняемый в запас сержант сумел нелегально побывать в Туле и, не без приключений, сдать вступительные экзамены в политехнический институт. В часть уже пришло официальное подтверждение о его зачислении на первый семестр. Но чем ближе был день возвращения в город его трудовой юности, тем настойчивее овладевала Иосифом мысль: а стоит ли вообще идти учиться? Может, лучше снова вернуться на самоварный завод?

Главная причина была простой и понятной — деньги. Прожить студенту на одну только стипендию практически невозможно. Ежемесячные выплаты в те годы составляли сорок рублей. Да, общежитие стоило копейки, а многим студентам продуктами помогали родители и родственники. Но Иосифу рассчитывать было не на кого. Но дело было не столько в хлебе насущном. Молодежь тех лет судила друг друга прежде всего по одежке. А значит, нужны были вещи — хорошие, модные, желательно фирменные или хотя бы привезенные из-за границы: джинсы, футболки с иностранными надписями, спортивные костюмы, кроссовки. Без этого вчерашний солдат рисковал выглядеть среди городской молодежи провинциальным и бедным чужаком.

У Иосифа сбережений не было. А это значило — придется подрабатывать. Обычно студенты ночами разгружали вагоны, а потом, сонные и измученные, отсыпались прямо на лекциях. Но разве это учеба? Какими знаниями можно овладеть таким образом?

Он невольно вспоминал своего заводского наставника — Степаныча. Тот, как оказалось, тоже когда-то окончил этот самый политех и даже успел поработать начальником цеха. Но потом добровольно вернулся в простые рабочие. Почему? Да потому что токарь высокого разряда на оборонном заводе зарабатывал вдвое больше инженера. Рабочий день — нормированный. Ответственность — только за себя и свой станок. Никаких бесконечных планерок, отчетов, разносов и нервотрепки.

— Жалко четыре года учебы и угробленные нервы, — часто повторял Степаныч. — Инженер у нас — это не голова, а крайний, козел отпущения.

Иосиф хорошо помнил эти слова. Слишком хорошо, чтобы теперь вот так легко выбросить их из головы...

Номенклатурный войсковой фургон на базе ГАЗ-51, окрашенный в матовый темно-хвойный цвет с легким зеленоватым оттенком, медленно проехал по почти безлюдным улицам воронежской Новой Усмани. За рулем сидел молодой водитель, рядовой Зиновьев. В дорогу он вглядывался сосредоточенно, будто боялся проморгать каждую кочку. Этим он разительно отличался от прежнего шофера дивизиона — лихого и бесшабашного Телятина, ушедшего в запас полгода назад.

Впервые Иосиф ехал не в кузове, а в кабине. Как-никак, самого дембеля собственной персоной везли в полк! Он бросил взгляд в зеркало и чуть не стукнул себя по лбу: на его парадной форме все еще красовались три лычки сержанта.

— Хоть бы никто не заметил, не придрался... — мысленно взмолился Циммерман.

Зря переживал. На пороге строевой части ему пришлось прождать час-другой, пока наконец на крыльце не появился начальник штаба. Он выкрикнул его фамилию, пожал руку, вручил военный билет и проездные документы на поезд с пересадкой в Орле.

Иосиф раскрыл военный билет и задержал взгляд на записи об увольнении в запас. В графе званий он заметил нестыковку: последнее повышение не было записано.

— И слава богу, — вслух выдохнул Циммерман.

Офицер штаба не придрался к его «неправильным» лычкам — потому что по документу все совпадало. Дембель еще подумал, что эти звания и нашивки ему уже больше никогда не пригодятся. Ведь теперь он считался студентом политеха, а значит — вместе с дипломом ему автоматически светили погоны лейтенанта запаса...

Передумал

Ноябрьское утро медленно просачивалось в тесную комнатушку коммунальной квартиры сквозь тонкую кружевную занавеску на окне. За стеклом стоял серый тульский рассвет — сырой, холодный, с низким небом и редкими каплями дождя, лениво стекающими по подоконнику. В комнате пахло старым ковром, валерьянкой и чем-то еще неуловимо домашним, присущим только одиноким старушечьим жилищам. На стенах — выцветшие обои в мелкий цветочек. В углу — высокая железная кровать с горой подушек. На столе, покрытом черно-белой клеенкой, теснились чашки, пузырьки с лекарствами, хлебница и старенький телефонный справочник с загнутыми краями страниц. На батарее сушились носки.

Иосиф уже мог сидеть самостоятельно. Бледный, осунувшийся, он опирался спиной о подушку и молча смотрел в окно. Рядом на кровать тяжело присела хозяйка комнаты — тетя Мотя. Ее теплая ладонь тут же привычно легла парню на плечо.

— Ну ты меня вчера и напугал, — взволнованно и почти шепотом сказала она, поглаживая дембеля по спине. — Уже второй раз. Помнишь, еще до армии ты неделями голодал — не на что было купить поесть. Пришел после смены в общежитие и свалился у входа. Я тогда тебя едва до больницы на своем горбу дотащила.

— Я ж не хотел, — виновато оправдывался все еще бледный лицом Иосиф. — Не знаю, что случилось. У меня такое впервые.

— Я сама не понимаю, — размышляла вслух пожилая женщина. — И выпили-то немного. Я за свой самогон ручаюсь. Может, не надо было после этого в горячую ванну лезть. Так я ж, дура старая, сама тебя надоумила после дороги помыться.

Иосиф невольно вздрогнул, вспоминая, как, покрасневшись от горячей воды, поднялся из ванны — и тут же рухнул. В голове завертелась страшная карусель. Грудь сдавило такой болью, что невозможно было ни вдохнуть, ни выдохнуть. При падении тело выплеснуло почти всю воду на пол ванной комнаты. Он лежал на дне — голый, беспомощный, — словно выброшенная на берег рыба, широко раскрытым ртом пытаясь ухватить воздух.

— Благо, что авантюристка из соседнего подъезда умудрилась телефон у себя поставить, — продолжила рассуждать тетя Мотя, непрерывно качая головой. — Вот зря я ее потаскухой да подстилкой обзывала. Она ж тебе скорую вызвала. И в больнице, видать, знают про ее связи с начальством — мигом приехали.

— А врач весельчак оказался, — слабо улыбнулся Иосиф. — Гляди, говорит, у тебя в груди светомузыка.

— Ага, — подхватила тетя Мотя. — У него фонендоскоп какой-то был, с лампочкой. Впервые такой видела. Лампочка от каждого удара твоего сердца загоралась. Прямо без остановки мигала — так часто оно у тебя билось.

— Наверное, давление, — предположил Иосиф. Он в этом ничего не понимал и просто повторил то, на что постоянно жаловались старушки у подъезда.

— Давление?! — усмехнулась тетя Мотя. — Вулканическое! Благо, что ты молодой. Доктор сказал — это от резкой смены образа жизни. Вы там в армии все время под муштрой, спорт, беготня. А на гражданке ты, Осип, враз расслабился. Вот сердечко и не поняло, что происходит. Дало сбой.

Она потянулась к столу и взяла граненый стакан с уже размешанным в воде лекарством. На дне еще плавали не до конца растворившиеся белые крупинки.

— Давай, пей, — велела тетя Мотя, протягивая стакан. — Доктор назначил каждые четыре часа принимать.

Иосиф поморщился, но послушно выпил. Микстура оказалась теплой, сладковато-горькой и противно пахла валерьянкой.

— Терпи, — вздохнула хозяйка комнаты. — После армии вам всем кажется, что вы железные. А организм-то не казенный...

Она поправила сползший на плечи платок и внимательно посмотрела на дембеля поверх очков.

— Ты смотри, Осип... В институте не бросай спорт. Хоть зарядку по утрам делай, бегай понемногу. Вам армия режим вбила: вовремя есть, вовремя спать, двигаться постоянно. А на гражданке молодежь ночами шляется, жрет что попало, курит без меры. Вот сердце и шалит потом.

Иосиф помолчал, задумчиво покручивая в руках пустой граненый стакан.

— А я, тетя Мотья... кажется, передумал в институт идти.

Пожилая женщина даже замерла.

— Это еще почему?

— Да потому что овчинка выделки не стоит, — устало произнес он. — Четыре года без денег мыкаться, вагоны по ночам разгружать... Ради чего? Чтобы потом инженером за сто двадцать рублей нервы тебе мотали? Степаныч вон поработал начальником цеха и обратно к станку ушел. Говорит, токарем спокойнее и заработок почти вдвое выше.

Тетя Мотья тяжело вздохнула и покачала головой.

— У станка тебе не место, Осип!.. — неожиданно твердо сказала старушка. — Ты ж у нас с головой. Не зря тебя в институт приняли.

Она придвинулась ближе и понизила голос, будто открывала ему какую-то важную житейскую тайну.

— Сам подумай: с дипломом, с должностью начальника тебе и квартиру быстрее дадут, и уважение другое будет. А у станка всю жизнь простоишь — так и останешься в общежитии мыкаться.

Пожилая женщина осторожно погладила его по руке.

— Ты гляди не на один день вперед... На целую жизнь смотри.

Иосиф отвел взгляд. Слова тети Моти звучали вроде бы правильно и разумно, но внутри у него уже созрело собственное решение.

— Пока снова пойду работать на завод. Только уже не токарем... Однажды у меня прямо во время обработки снаряда резец на станке сломался. Толстая раскаленная стружка как выстрелила — и вокруг шеи обвилась, будто огненная змея. Чудом сонную артерию не распорола.

Он невольно потер шею.

— Мне этот ужас потом в армии постоянно снился...

Странное дело — рядом с этой простой, умеющей говорить по делу и бесконечно заботливой женщиной Иосифу всегда становилось спокойнее на душе. Иногда он и сам удивлялся: как вообще получилось, что совершенно чужой человек стал ему почти родным? Память невольно вернула его на три года назад — в утреннюю электричку Москва—Тула. Именно там судьба впервые свела его с тетей Мотей. Тогда, летом восемьдесят второго, худенький загорелый парень из Казахстана ехал поступать в Тульское артиллерийское училище. В Москве у него была пересадка. На Казанском вокзале Иосифу даже пришлось обратиться за помощью в медпункт — в дороге некстати воспалился фурункул.

— До Тулы лучше садись не с Курского вокзала, а раньше — с Каланчевки, — посоветовала ему привокзальный фельдшер, Матрена Федоровна, пряча в карман своего белого халата фонендоскоп. — Там у тебя еще есть шанс сидячее место занять.

Зайдя в почти пустой вагон, Иосиф долго не мог решить, где сесть. Сначала устроился у окна, потом пересел, потом снова поднялся. Когда электричка тронулась, он неожиданно понял причину своего беспокойства: вагон вез его задом вперед. Подхватив чемодан, парень пересел еще раз — теперь лицом по ходу движения. Только тогда успокоился.

На Курском вокзале в вагон действительно лавиной хлынула толпа. Через несколько минут пассажиры сидели и стояли как сельди в бочке. Именно тогда Иосиф и заметил невысокую пожилую женщину, беспомощно озирающуюся в поисках свободного места. Не раздумывая, он поднялся и уступил ей свое.

— Боженька тебе за добро воздаст, — тихо сказала она и, внимательно оглядев худенького парня, добавила: — А ты легкий. Садись прямо в проходе на свой чемоданчик.

Женщину тоже звали Матрена. Разговорились. А позже, уже на перроне Тульского вокзала, она неожиданно сказала:

— Меня легко найти. Я на вахте мужского общежития самоварного завода сижу. Если что — заходи.

Кто бы тогда мог подумать, что случайная попутчица станет для сироты одним из самых близких людей в его жизни...

Родом тетя Мотя была из Белоруссии. Во время коллективизации ее отца признали кулаком — у него была своя мельница.

— Я ведь тут тоже вроде как бывший враг народа, — невесело вспоминала она. — Раскулачили нас после революции. Всех подчистую. И мельницу отняли, и дом. Меня тогда вместе с родней на Колыму сослали. Брат мой, Ванька, там считай что сразу от голодухи помер...

Она тяжело вздохнула и надолго замолчала.

— Меня мамкина сестра спасла. Из Гомеля. Еле выпросила, к себе забрала. А то и мне бы там хана пришла. Родители... долго не протянули. Так и закопали их где-то без креста, без могилы...

Во время войны Мотю, как и тысячи других женщин, мобилизовали на рытье окопов. Сначала работали под Гомелем, потом бригаду стали перебрасывать все восточнее и восточнее — туда, куда отступала Красная армия, бросая уже выкопанные рубежи и спешно готовя новые.

Последний свой окоп она выкопала уже на подступах к осажденной Туле. В этом городе и осталась дальше жить. Устроилась на завод «Штамп», в гальванический цех. Познакомилась с таким же приезжим работягой Василием. Вышла замуж.

— Жили скромно, но дружно, — тяжело вздыхала тетя Мотя, медленно раскачивая головой. — Пока не дернул меня черт согласиться съездить в отпуск на родину...

Женщина замолчала, словно и спустя десятилетия не могла спокойно вспоминать ту поездку.

— Там Василию длинноязыкие бабы про мое прошлое наболтали. Про раскулачивание, про Колыму... Мужика будто подменили. Вроде и коммунистом никогда не был, а кулаков на дух не переносил.

Тетя Мотя невольно дотронулась пальцами до виска, словно все еще помнила ту давнюю боль.

— В тот же вечер избил меня. Я сначала думала — по пьяни. Протрезвеет, повинится, дальше жить будем... А не тут-то было.

Она горько усмехнулась:

— Через пять месяцев сама на развод подала. Так и прожила всю жизнь одна — в комнатухе тесной коммунальной квартиры, бок о бок с двумя соседскими семьями...

В отделе кадров с ним спорить не стали. Наоборот — были рады, что дембель снова вернулся на завод. Правда, кадровичка все же напомнила, что хорошие токари заводу сейчас нужны просто позарез. Но Иосиф настоял на своем и получил направление в цех № 30, где в три смены шла сборка снарядов. Сотрудница отдела кадров детально пояснила, что зарплата сборщиков заметно ниже той, что он когда-то получал токарем. Да и работа предстояла тяжелая — в три смены.

— Ну да ладно... — мысленно смирился Иосиф, машинально поглаживая шею в том месте, где когда-то едва не оставила свой смертельный след раскаленная стружка токарного станка.

На проходной пожилой вахтер долго разглядывал его временный пропуск, потом поднял глаза на шинель с сержантскими лычками и недовольно хмыкнул:

— Ты это... долго тут в форме не ходи. Завод у нас, сам понимаешь, полуоборонный. Секретность соблюдать надо.

Иосиф понимающе кивнул и шагнул за проходную, в знакомый гул промышленного гиганта «Штамп». Над заводской дорогой медленно полз подвесной конвейер, перекинутый между цехами. На нем плыли полированные корпуса тульских самоваров — круглые, пузатые, сияющие на солнце теплым золотистым блеском.

Под сапогами поскрипывал свежий снег. Белые сугробы лежали вдоль заводских дорог, на перилах, крышах цехов и рельсах узкоколейки. Иосиф шел мимо знакомых корпусов и невольно замедлял шаг.

— Недолго вам белеть осталось... — подумал Иосиф, хорошо зная, что уже через час-другой снег покроется темной угольной копотью, заводской гарью и выхлопной сажой бесконечно снующих по территории грузовиков.

В цехе № 30 его встретили буднично и без лишних эмоций — так, словно дембеля в шинелях приходили сюда устраиваться каждую неделю. В тесной конторке с мутным стеклом и

запахом машинного масла пожилой мастер мельком просмотрел направление из отдела кадров и что-то размашисто черкнул в журнале.

— Завтра в ночь выходишь. К десяти вечера чтоб был здесь, — бросил он, уже теряя к новому рабочему всякий интерес.

Все происходило быстро, рутинно, почти равнодушно. Огромный завод жил своей привычной жизнью, и судьба очередного рабочего никого особенно не интересовала.

Когда Иосиф вышел из цеха обратно на морозный воздух, внутри почему-то осталось тяжелое чувство неудовлетворенности. Будто он делал что-то не совсем правильное. Словно сворачивал куда-то не туда. Через заводскую дорогу, за клубами пара и сизого дыма, темнел знакомый корпус цеха № 22. Именно там семнадцатилетний сельский парень когда-то начинал свою заводскую жизнь. Там до сих пор работал Степаныч. Там его принимали кандидатом в члены КПСС...

Иосиф остановился и несколько секунд молча смотрел на старый корпус.

— Зайди хоть поздоровайся, — приказал он самому себе. — Все равно рано или поздно встретитесь на проходной. Потом лишних вопросов не оберешься...

В цехе № 22 его встретили совсем иначе. Едва Иосиф переступил порог знакомого корпуса, как сразу с нескольких сторон ему начали махать руками те, кто узнал его даже в армейской форме. Кто-то окликнул по фамилии, кто-то просто радостно свистнул через весь цех. Несколько рабочих тут же подошли пожать руку, а самые близкие — по-свойски обнимали, хлопали по плечам, словно после долгой разлуки вернулся родной человек.

Заводской гул, лязг станков и визг резцов словно на мгновение отступили куда-то в сторону. Иосиф еще не успел направиться к лестнице, ведущей на второй этаж, как по ступенькам ему навстречу уже торопливо спускался начальник цеха Анатолий Ильич Хван. Следом, тяжело дыша и придерживая пуховый платок на плечах, торопилась председатель профсоюза — полная женщина с добродушным раскрасневшимся лицом. Иосиф невольно смутился: он прекрасно помнил ее в лицо, но имя и отчество профсоюзной начальницы напрочь вылетели из головы.

Невысокий и худощавый кореец в темном костюме буквально сиял от радости. Его узкие глаза превратились в две блестящие счастливые щелочки.

— Циммерман! Вернулся! — еще издавелека заговорил он, широко разводя руки. — Ну наконец-то! А мы уж боялись, что тебя армия не отпустит!

Подойдя ближе, начальник цеха крепко обнял сержанта, по-отечески похлопал по спине и тут же немного отстранился, внимательно разглядывая погоны на шинели.

— Вон каким стал... Сержант, — с заметной гордостью произнес Хван. — Мы тебя сразу бригадиром поставим.

Иосиф смущенно улыбнулся, но тут же поспешил остудить радость начальника цеха.

— Анатолий Ильич... Я вообще-то уже в тридцатый устроился. Сборщиком. Меня там сегодня оформили.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Хвана. Узкие глаза удивленно распахнулись, а потом в них отчетливо мелькнули разочарование и обида.

— Как это — в тридцатый?! — даже повысил голос начальник цеха. — Мы тебя учили, продвигали... Посылки тебе в армию отправляли. Воспитательницы к тебе ездили, проводывали. А ты, значит, в другой цех ушел? Так порядочные люди не поступают.

Иосиф окончательно смутился и, быстро оглянувшись по сторонам, почти вплотную приблизился к Хвану.

— Анатолий Ильич... Я токарем больше не могу, — тихо признался он. — У меня после той стружки до сих пор внутри все переворачивается. Мне в армии этот кошмар постоянно снился.

Он машинально провел ладонью по горлу.

— Резец тогда откололся... А стружка раскаленная — прямо вокруг шеи. Чуть артерию не перерезало.

Хван несколько секунд молча смотрел на него, а потом неожиданно оживился и даже довольно потер руки.

— Так чего ж ты сразу не сказал?! — почти радостно воскликнул он. — Не надо токарем — пойдешь сборщиком. Но только в наш цех!

Начальник поднял вверх указательный палец, словно объявлял решение государственной важности.

— Мы как раз новую линию по сборке парашютов для снарядов осваиваем.

— А как же мое оформление в тридцатом? — растерялся Иосиф.

— Я сам разберусь. Покажу им там сейчас кузькину мать! — вспыхнул Хван. — Нашлись умники — молодых специалистов переманивать! У нас только одна, утренняя смена, понял? И зарплата — ого-го! В два, а то и в три раза больше, чем они там своим сборщикам платят!..

Попрощавшись с начальником цеха и председателем профкома, Иосиф уже направился было к выходу, как вдруг заметил в стороне Степаныча. Тот стоял чуть поодаль от общей суеты — сутуловатый, в темной рабочей спецовке, с привычно спокойным и немного усталым лицом. Казалось, он специально не лез вперед, давая другим возможность первыми встретить дембеля. Иосиф тут же поспешил к наставнику. Мужчины крепко пожали друг другу руки.

— Возьмешь меня в свою бригаду? — вместо приветствия неожиданно попросил Степаныч.

Иосиф даже растерялся.

— А как же токарная линия без тебя?

Пожилой мастер лишь усмехнулся уголками губ.

— Там сейчас импортные полуавтоматы налаживают. Токарей уже наполовину сократили. Без меня обойдутся. Не мое это... Я учился с людьми работать, а не с роботами.

Он помолчал и задумчиво посмотрел куда-то поверх заводского шума.

— Тогда тебе самому бригадиром к нам надо устраиваться, — убежденно сказал Иосиф.

— О нет! Увольте, — сразу отмахнулся Степаныч. — Я ответственности стараюсь избегать.

В его голосе слышалась привычная ирония человека, слишком хорошо знавшего жизнь.

— А насчет зарплаты Хван правду сказал, — уже серьезнее добавил он. — Там деньги очень хорошие...

После устройства на работу Иосиф прямиком направился в мужское общежитие. В отличие от ситуации трехлетней давности, теперь у него на руках уже было официальное направление на заселение. Но ставшая ему почти родной комендантша Евдокия Яковлевна Шабунова даже не вспомнила про бумаги. Заметив в окно приближающегося сержанта в шинели, она сама выскочила навстречу. Невысокая, сухоощавая женщина с собранными на макушке в тугую пучок каштановыми волосами, в строгом темном платье и шерстяном платке на плечах, она по-прежнему держалась так, будто командовала не общежитием, а как минимум небольшим гарнизоном. Лицо ее казалось суровым и даже жестким. Во рту, при разговоре, поблескивали золотые коронки. Но Иосиф давно знал: за этой внешней строгостью скрывалось доброе и очень заботливое сердце.

Подбежав к дембелю, Евдокия Яковлевна крепко обняла его, прижав к себе так, словно встретила после войны родного сына. А потом тут же нарочито строго отстранилась:

— Три дня как вернулся! А что сразу не ко мне? Я же все два года твою комнату под замком держала. Никому не сдавала! Вещи твои из камеры хранения подняла, все перестирала, высушила... А Оська не идет и не идет.

Женщина прищурилась с показной обидой:

— Поди у Мотьки остановился?

Иосиф смущенно, с проступившим на щеках румянцем, согласно кивнул головой.

— Держи! — Евдокия Яковлевна протянула ему ключ от комнаты с брелком в виде маленького самоварчика. — И предупреждаю сразу: девок в общагу не води. Пусть они тебя к себе приглашают.

Она окинула дембеля строгим, прищуренным взглядом и, чуть смягчившись, добавила:

— Гляди, может, какую с собственным жильем выберешь. А то знаю я вас, молодых да красивых... Любовь любовью, а потом опять по углам мыкаться будете.

Комендантша тяжело вздохнула и заботливо поправила на его шинели воротник.

— А ведь возмужал. В плечах вон как раздался... — уже совсем другим голосом проговорила Евдокия Яковлевна, внимательно оглядывая дембеля. — До армии кожа да кости был. Ветер подует — унесет. А сейчас настоящий мужик.

— Дядь Ёсь! — неожиданно раздался за его спиной тонкий детский голос.

Иосиф резко обернулся.

Перед ним стояла Наташа — десятилетняя дочь брата Антона. Она была одета по принципу «капусты» — в несколько слоев самой разной теплой одежды: цигейковый полушубок, на голове — вязаная шапка-петушок с большим помпоном, шею почти до подбородка закрывал толстый шарф. Из рукавов на резинках свисали шерстяные варежки, а на ногах красовались в те годы модные детские «дутики» — невысокие болоньевые сапожки.

Девочка еще секунду недоверчиво всматривалась в сержанта в шинели, словно боялась ошибиться, а потом с радостным визгом бросилась ему на шею.

— А я про то и говорю, — тяжело вздохнула, но все же улыбнулась комендантша. — Девки теперь тебе проходу не дадут...

Морозное воскресное утро выдалось на редкость солнечным. Пока Иосиф шел от остановки к толкучке в Мясново, под ногами еще приятно поскрипывал свежий снег. Деревья серебрились густой изморозью, из труб частных домов лениво поднимался сизый дым, а воздух был прозрачным и колючим. Но стоило приблизиться к барахолке, как зимняя сказка мгновенно заканчивалась. Тысячи ног превратили снег в грязное мокрое месиво. Подтаявшая жижа во многих местах доходила почти до щиколоток. Люди, примеряя сапоги или кроссовки, балансировали на одной ноге, словно цапли, боясь поставить носок в ледяную кашу. Над толкучкой стоял непрерывный гул голосов, запах дешевых сигарет, мокрой шерсти, солярки и чужих духов.

Иосиф бывал здесь теперь почти каждое воскресенье. Жизнь неожиданно начала налаживаться как нельзя лучше. На заводе — чистейшая работа: в светлом теплом помещении, в белых перчатках, они собирали миниатюрные парашюты для снарядов. Зарплата — больше трехсот рублей. Отдельная комната в общежитии обходилась всего в три рубля в месяц. За субботнюю смену доплачивали пятьдесят процентов наличными, а за воскресенье — все сто. Денег у молодого бригадира теперь хватало.

После смены в выходные он обычно спешил на Центральный рынок, чтобы купить свой тогдашний эталон счастья — длинный зеленый виноград «Дамские пальчики» или сюда, в Мясново: посмотреть импортные шмотки, поторговаться с фарцовщиками и почти всегда что-нибудь купить. Джинсы, кроссовки, польскую куртку, югославский свитер, модную футболку с иностранной надписью...

Да, он мог наслаждаться жизнью и быть довольным собой. Но почему-то по-настоящему не получалось. Даже новые модные шмотки приносили радость лишь на несколько часов, максимум — на пару дней. Потом внутри снова появлялась какая-то странная пустота. В те годы никто еще не употреблял слово «депрессия», но именно в это состояние Иосиф постепенно и начал проваливаться. Ему становилось скучно, тоскливо и одиноко. Только в рабочей суеете завода он по-настоящему ощущал себя живым и нужным. Среди грохота цехов, запаха масла, разговоров рабочих и бесконечной заводской беготни жизнь казалась ему наполненной смыс-

лом. Но стоило вечером остаться одному в своей комнате общежития, как его снова накрывало тяжелое чувство неустроенности.

Он снова начал писать заметки в газеты — хотя бы для того, чтобы чем-то занять мысли и душу. Радовался, когда их печатали. По несколько раз перечитывал свою фамилию под статьей в свежем номере. Странное дело, но печатное слово приносило ему куда больше радости и внутреннего удовлетворения, чем очередной модный спортивный костюм или новые импортные джинсы.

Однажды ему приснился сон. В нем Иосиф будто снова переживал одну из картин своей срочной службы.

Стоял апрель — середина его первой армейской весны. После долгого зимнего сна природа словно осторожно щурилась на ослепительное солнце. Уже несколько дней подряд держалась плюсовая температура. Иосиф решил не идти в душную казарму. Устроился поудобнее в тени молодых ольх, росших по краю строевого плаца, прислонился спиной к стволу и прикрыл глаза. Ольха уже цвела — раньше, чем окончательно сошел снег. Голые ветви были густо увешаны длинными сережками, будто деревья надели сиреневые бусы. Ни одного листочка — только мягкие пучки мужских соцветий, готовых к весеннему ветру. Рядом прятались крошечные женские — будущие «ольховые шишки». В оврагах еще лежали серые сугробы, но на открытых местах уже робко пробивалась первая травка и раскрывались желтые звездочки мать-и-мачехи. Ветерок доносил влажный запах пробуждающейся земли.

Уроженец степи вдохнул его полной грудью — и не удержался. Вскочил. На ходу сорвал гимнастерку и выбежал на залитое солнцем поле возле казармы. Он присел и стал голыми руками перебирать влажный чернозем, пропуская его сквозь пальцы.

— Масло, а не земля! Хоть на хлеб намазывай! — рассуждал солдат, когда-то всерьез мечтавший стать агрономом.

Вернувшись под ольху, он еще долго смотрел на поле — соток двадцать, не меньше.

— Зря пропадает... Одни сорняки да бурьян...

— Я всегда любил деревню, — неожиданно раздалось за спиной.

Иосиф резко обернулся. Рядом стоял начальник штаба майор Жданов.

— Помню, бабка моя, Анна, кричит: «Тошка-Антошка, пойдем копать картошку!» — тихо заговорил Анатолий Петрович, вытирая губы платком. — А я ей: «Пусть тебе Чапаев ее нарост!»

Он негромко рассмеялся собственному воспоминанию.

— Ну ты же понял, Яшка? Чапаевская Анка-пулеметчица...

Иосиф улыбнулся и кивнул.

— В армии я в свой единственный отпуск тоже первым делом к бабушке в деревню рванул, — продолжил Жданов. — Родители потом дулись страшно. А мне в городе тесно было. Не мое. Другое дело — воздух, простор, васильковые поля...

Майор на секунду задумался.

— Там я впервые и начал писать. Сначала четверостишия. Потом зарисовки. Даже сказку как-то выдумывать пытался... Но дальше сверчка во фраке со скрипкой дело не пошло.

Иосиф невольно улыбнулся.

— А потом в части сошелся я с одним парнем из Перми. Он тоже что-то постоянно строчил в тетрадь. Я спрашиваю: «Зачем?» А он мне газетные вырезки показывает: «Вот за эту заметку три рубля дали. За эту — пять».

Жданов выразительно поднял палец:

— А солдатское жалованье тогда — три восемьдесят в месяц. Понимаешь?

Он даже оживился от воспоминаний.

— Я тогда не мелочился — сразу очерк написал. Про солдатский быт. Отправил в «На боевом посту». Боялся, что не возьмут. А потом этот пермяк приносит номер газеты:

— «Тебя напечатали!»

Майор улыбнулся совсем по-мальчишески.

— Я вырвал газету — точно, мой очерк. Правда, урезали здорово. Но семь рублей заплатили.

Офицер махнул рукой:

— Ну и пошло-поехало. Очерк за очерком. Заметка за заметкой. Возле моей фамилии сначала «военкор» писали, потом — «внештатный корреспондент». Я ночами уже не письма домой строчил, а материалы в газеты.

Жданов внимательно посмотрел на Иосифа:

— А потом меня замполит вызвал и говорит: «Поступай на факультет военной журналистики».

Иосиф слушал, подперев щеку ладонью.

— Ты понимаешь, к чему я клоню? — вдруг неожиданно спросил майор.

Подчиненный даже не шелохнулся, решив, что начальник штаба просто продолжает вспоминать.

— Яшка! Ты меня вообще слышишь?

Офицер помахал рукой у него перед глазами. Иосиф вздрогнул:

— Да, конечно... Я подумал, это вам тогда замполит говорил...

Жданов одобрительно похлопал его по руке.

— Умеешь ты слушать. А это для журналиста главное.

Начальник штаба помолчал, потом уже совсем серьезно добавил:

— Советую тебе, Яшка... Нет, даже настаиваю: поступай во Львов. Я тебя уже в погонах курсанта вижу...

Иосиф проснулся в своей маленькой комнате заводского общежития. В открытое окно уже вовсю заглядывало утро. Где-то во дворе перекликались птицы, хлопнула дверь подъезда, а с улицы доносился приглушенный шум проезжающих машин. Было воскресенье. Но впервые за долгое время парню вдруг захотелось, чтобы оно поскорее закончилось и наступил понедельник...

Сон неожиданно расставил все по своим местам. Впервые за долгое время он ясно представлял свое будущее...

Майское солнце стояло уже высоко, ярко заливая улицы Пролетарского района. Иосиф быстрым шагом шел от общежития на улице Шухова в сторону улицы Чапаева. Вскоре за деревьями показалось серое двухэтажное здание военного комиссариата Пролетарского района. Дом выглядел строгим и даже немного мрачным. Широкий вход поддерживали массивные круглые колонны с облупившейся штукатуркой. Над дверью темнел тяжелый бетонный козырек, а высокие окна с частыми переплетами напоминали Иосифу школьные классы или старые казенные учреждения. По обе стороны дорожки тянулись молодые елочки — тогда еще совсем невысокие, едва человеку по плечо. Они только начинали разрастаться и выглядели почти игрушечными на фоне сурового здания.

Сам не понимая зачем, Иосиф вдруг остановился и достал из кармана фотоаппарат «Смена-8М» — подарок Матрены Федоровны, фельдшерицы с Курского вокзала, с которой его несколько лет назад свел некто выскочивший в дороге фурункул. Среди его друзей потом долго ходила шутка, что у Иосифа «в каждом городе по тете Моте»... Он тогда ехал поступать в Тульское артиллерийское училище. Правда, вовсе не за курсантскими погонами. План был совсем другой: за государственный счет добраться до Тулы и повидаться со старшим братом Антоном, служившим там прапорщиком. Экзамены Иосиф собирался завалить. Так все в итоге и вышло.

Но, вернувшись обратно в Аккемир, он понял: оставаться там больше не сможет. После тяжелой ссоры бабушка Амалия буквально выставила его из дома. Пришлось снова ехать в

Тулу. Начальник артиллерийского училища предложил ему остаться лаборантом на одной из кафедр.

— Поработаешь годик, освоишься, — говорил генерал. — А там считай что автоматом курсантом зачислим.

Именно тогда Иосиф снова встретился в Москве с Матреной Федоровной. Они вместе ходили в мавзолей, потом бродили по столице, а под конец зашли в ЦУМ. Там она неожиданно и подарила ему этот фотоаппарат...

За последние годы ему уже не раз доводилось бывать в этом военкомате. Еще семнадцатилетним пареньком, только приехав из Казахстана, он впервые переступил порог этого здания, чтобы встать на воинский учет. Спустя несколько месяцев именно отсюда его направили на курсы электромехаников в школу ДОСААФ. Осенью восемьдесят третьего года Иосиф снова стоял возле этих дверей — уже вместе с другими новобранцами, перед отправкой на вокзал и погрузкой в воинский эшелон. И совсем недавно, вернувшись после срочной службы, он опять приходил сюда — становился на учет как сержант запаса, менял военный билет на гражданский паспорт.

Настроение у него было такое, будто внутри снова завелся какой-то долго молчавший мотор. Под мышкой Иосиф бережно нес толстый почтовый конверт, туго набитый справками, характеристиками и рекомендациями. Между официальных бумаг лежали и самые дорогие для него листки — аккуратно вырезанные армейские публикации и свежие заметки из тульских и заводской газет.

Еще за десяток метров до входа Иосиф заметил молодую женщину с высокой стопкой картонных коробок в руках. Та безуспешно пыталась открыть тяжелую деревянную дверь военкомата. Дверь была массивная. Внизу, сбоку, к косяку крепилась толстая наружная ржавая пружина. Она была такой тугой, что дверь приходилось удерживать всем телом. Стоило хоть немного ослабить руку — и тяжелая створка тут же захлопывалась перед самым носом.

— Пойдите! — окликнул женщину Иосиф. — Я помогу!

Он буквально бегом поспешил вперед, рывком потянул дверь на себя и придержал ее плечом. Уже внутри перехватил из рук женщины несколько верхних коробок и только тогда увидел ее лицо.

— Анжела?! — от неожиданности Иосиф даже шагнул назад. — Ты что, теперь в военкомате работаешь?

Девушка тоже сначала растерялась, а потом улыбнулась:

— Здравствуй, Иосиф. Я еще на улице подумала — голос больно знакомый.

С ней он познакомился несколько лет назад на курсах рабочих корреспондентов при областной газете «Молодой коммунар». Позже выяснилось, что она работает в профсоюзе их завода «Штамп». И вот теперь — такая неожиданная встреча.

— Да нет, — засмеялась девушка. — Я же после института младшего лейтенанта запаса получила. Периодически прохожу переподготовку. В этот раз — в архиве военкомата.

Она кивнула на коробки и снова рассмеялась:

— Канцелярскую крысу враг точно бояться будет. А ты какими ветрами здесь? Мне казалось, ты уже свое отслужил.

— Вот решил обратно в армию податься, — немного смущенно ответил Иосиф. — Документы принес для поступления в военное училище.

Он чуть приподнял локоть, показывая взглядом на толстый конверт, зажатый под мышкой:

— Тут мои публикации в газетах... Хочу военным журналистом стать.

— Тебя точно примут, — была уверена Анжела.

— Меня почему-то на собеседование к военному вызвали, — недоуменно проговорил Иосиф.

— К военкомше, — с улыбкой поправила его младший лейтенант запаса. — У нас тут военком — женщина. Майор. Тебе на второй этаж подняться надо...

Ждать пришлось почти час. Иосиф сидел в душном коридоре военкомата среди таких же молчаливых посетителей, разглядывая вытертый линолеум и облупленные стены. Наконец секретарша громко произнесла его фамилию:

— Циммерман! Заходи.

Иосиф поднялся, переложил толстый конверт из-под мышки в левую руку и на всякий случай постучал, прежде чем потянуть ручку двери на себя.

Военком уже одним своим видом внушала подчинение. Невысокая, почти квадратная, майор не сидела, а стояла, тяжело упершись обеими руками в поверхность стола. Короткая, грубо стриженная прическа казалась какой-то по-мужски неухоженной. Из-под нависших бровей прямо на вошедшего смотрели жесткие, почти хищные глаза.

— Здравия желаю, товарищ майор! — по уставу отчеканил Иосиф. — Сержант запаса Циммерман прибыл для подачи рапорта на поступление во Львовское высшее военно-политическое училище.

Военком молчала. В кабинете повисла тяжелая пауза. Слышно было только, как где-то в коридоре печатала машинка. Майор рассматривала его долгим, неприятным взглядом, будто пыталась насквозь просверлить. И вдруг:

— Тебе что, больше делать нех..?! — рывкнула она матом, да так неожиданно, что Иосиф невольно вздрогнул. — В армии надо было поступать!

— Так я тогда не был уверен... — растерянно попытался объяснить Иосиф.

— А нам таких размазней и без тебя хватает! — отрезала военкомша. — Не уверен он был... Офицер обязан быть уверен всегда!

Она зло прищурилась:

— Армия — не богадельня. Тут характер нужен стальной. С этим рождаются, понял?!

Майор резко ткнула пальцем в сторону двери:

— Свободен. Не еб. мне больше голову.

Сержант запаса несколько секунд стоял неподвижно, будто не сразу понял, что разговор окончен. Больше всего его ошеломил даже не сам отказ, а тон разговора. За два года срочной службы Иосиф привык к грубоватой казарменной речи и солдафонским замашкам. Но чтобы так разговаривал офицер... да еще женщина...

Он машинально подхватил со стола свой конверт и поспешил к двери.

— Разрешите идти?... — пробормотал уже на ходу.

Военком даже не подняла головы:

— Пошел вон!

В коридоре Иосиф почувствовал, как лицо начинает гореть от унижения и злости. Секретарша мельком подняла глаза от машинки, но он тут же отвернулся и быстро направился к лестнице.

— Долбаная сапожница... — себе под нос возмущенно бормотал Иосиф, спускаясь со второго этажа. — Как она вообще майором стала?..

Ему навстречу в тот момент поднималась Анжела. Она посторонилась, пропуская его, и ободряюще улыбнулась:

— Тебе надо как следует к экзаменам подготовиться, — сказала девушка, будто вопрос с поступлением уже был решен. — У них во Львове огромный конкурс.

Иосиф лишь раздраженно отмахнулся. Только теперь Анжела заметила, что у него покраснели глаза и ходят желваки на скулах.

— Что случилось?

— Боцман в юбке... — зло процедил он сквозь зубы. — Послала меня на три буквы. Сказала: «Хрен тебе, а не училище». Мол, на срочной надо было поступать...

— Вон оно как... — лицо Анжелы вмиг посуровело.
Она быстро оглянулась на дверь второго этажа и понизила голос:
— Решила значит на тебе отыграться.
— В смысле? — недоуменно посмотрел на нее Иосиф.
— Ее сынок в прошлом году сразу после школы во Львовское поступал. Не прошел конкурс. Вот она теперь и бесится. Будто другие в этом виноваты.
Анжела вдруг решительно схватила Иосифа за рукав:
— Без нее обойдемся. Давай сюда свои бумаги.
— Зачем?
— Я тут почту отправляю. Положу и твой конверт до кучи. Напрямую во Львов. Пусть там решают, брать тебя или нет.
Иосиф растерянно заморгал:
— А разве так можно?
Девушка усмехнулась:
— Если очень хочется, то да!..

Курсы радиомехаников в тульской школе ДОСААФ. 26.04.1983 года. Группа с ведущим преподавателем Иваном Тимофеевичем Ениным.

Какие-то странные постройке возле Московского вокзала Тулы, обнесенные высоким глухим забором, оказались пересыльным лагерем. Во дворе толпились несколько десятков, а может и пара сотен молодых парней, допущенных к вступительным экзаменам в военные училища огромной страны. Люди все прибывали и прибывали. Одни тащили чемоданы, другие — спортивные сумки и вещмешки. Стоял густой июльский сумрак. В воздухе смешались запахи пыли, железной дороги и пота. Парни вроде бы знакомились между собой, но почти никто не спрашивал имен и фамилий. Слышалось другое:

— Ты куда поступаешь?

Каждый подсознательно искал попутчиков — тех, с кем потом ехать дальше через всю страну. Иосиф тоже прислушивался к разговорам, но «львовских» пока не попадалось.

Ближе к полуночи двери одного из барачков распахнулись. На крыльцо вышли прапорщики и пара младших офицеров.

— А ну, построились! Быстрее!

— Не толпимся!

— Чемоданы к ноге!

Грубые команды мгновенно прокатились по двору. Военные криками стали превращать разрозненную толпу в нечто похожее на строй. Парни торопливо выстраивались в шеренги и «коробки». Кто-то нервно смеялся. Вдруг один из офицеров резко вытянулся:

— Смирно! Равнение налево!

И строевым шагом поспешил навстречу приближавшемуся начальству.

В темноте Иосиф тщетно пытался разглядеть его звание. Лишь когда кто-то из прапорщиков включил фонарь, луч света выхватил тяжелое небритое лицо с мешками под глазами и погоны с двумя звездами поперек — как у лейтенанта, только крупнее. Вид у подполковника был такой, будто он не спал уже несколько суток подряд. Его взгляд медленно обвел притихший двор:

— Ну что, сынки... Некоторым из вас может повезет — зачислят на учебу.

Офицер откашлялся в сторону и продолжил уже жестче:

— Не всех, конечно. Только не думайте, что армия — это красиво и легко. Воинская жизнь порой похлеще собачьей бывает.

Во дворе стало совсем тихо.

— Сейчас буду называть училища и фамилии допущенных к экзаменам. Услышал свое — бегом ко мне. Дальше вам объяснят, куда следовать.

Он достал из папки длинные списки. Один за другим в ночной тишине монотонно зазвучали названия кузниц будущих офицеров:

— Московское высшее командное...

— Ленинградское...

— Рязанское воздушно-десантное...

— Харьковское танковое...

После каждого названия подполковник выкрикивал фамилии допущенных к экзаменам. Парни торопливо выбегали из строя, подхватывая чемоданы и вещмешки.

И вдруг офицер неожиданно запнулся. Поднес листок ближе к глазам, шумно хмыкнул и смачно выругался матом:

— Ни х.. себе!

После чего раскатиисто, почти басом рассмеялся. Он медленно обвел взглядом притихшие ряды:

— Из трехсот желающих во Львовское политическое допустили лишь одного! И тот, мать твою, не русский! Поди, еврей. Циммерман! Ко мне, бегом!..

В чужие края

Его поезд шел через Орёл. Именно там при посадке в вагон и проверке билетов случилась какая-то странная путаница. Проводница долго вертела в руках его документы, что-то недовольно объясняла, потом даже позвала начальника поезда. Иосиф стоял в тамбуре с чемоданом и уже мысленно готовился к неприятностям. Но в итоге все закончилось неожиданно: вместо обычного плацкартного места ему почему-то выдали верхнюю полку в комфортном купейном вагоне. Жаловаться на такую «ошибку» он, конечно, не стал.

Состав уходил на запад — через Курск, Белгород, Харьков и Киев — все дальше от Тулы и все ближе к совершенно иной жизни. Абитуриент тогда почти не верил, что сможет поступить во Львовское училище. Но очень надеялся. Поздно вечером, укрывшись одеялом почти с головой, он впервые пытался молиться — сбивчиво, не зная толком ни слов, ни правил. Украдкой накладывал на себя крест, постоянно путаясь: то ли справа налево креститься, то ли наоборот, двумя пальцами или тремя. Получалось неумело и даже немного смешно, но в тот момент молодому человеку почему-то казалось, что там, наверху, все равно поймут его искреннее желание изменить свою жизнь к лучшему.

В Киеве сошли трое его попутчиков — добродушная семья сибиряков, которые, после распределения из института, уже лет десять жили в столице Украинской ССР. Их дочке на вид было лет семь. Мать семейства оказалась разговорчивой и острой на язык женщиной — за словом в карман не лезла. За ее рассказами долгие часы пути от Орла до Киева пролетели почти незаметно. Прощаясь на перроне, она вдруг посерьезнела:

— Ты там ухо остро держи. Западники как были бандеровцами, так ими и остались.

Иосиф понял, о чем она говорит. В Советском Союзе словом «бандеровцы» обычно называли украинских националистов — сторонников Степана Бандеры, воевавших во время войны против советской власти. Про Западную Украину до сих пор рассказывали настороженно, почти как про чужой мир.

Это слово Иосиф впервые услышал еще в детстве. Был у Ёси друг — Витька Коваль, соседский мальчишка. Они считались не разлей вода. Как-то весной ребята копали на берегу Илека туйетабан — дикие съедобные луковички первых степных цветов. Из-за какой-то ерунды вспыхнула ссора. Витька вдруг обозвал Ёсю фашистом и ударил топориком по голове — благо, обухом. Заплаканный немецкий ребенок прибежал домой жаловаться матери.

— Не переживай, — успокаивала она сына. — В следующий раз скажи ему, что он не лучше — бандеровец...

Перед самым отъездом из Тулы белоруска тетя Мотя тоже тяжело вздыхала:

— Считай, в логово бандеров едешь учиться...

На место приятной семьи сибиряков в Киеве подседа пожилая угрюмая парочка. С первой же минуты они заговорили между собой по-украински. Иосиф многое понимал. В казахстанском Аккемире чуть ли не половина жителей были выходцами из Новороссии. Об этом напоминали даже названия соседних сел — Золотоноша, Шевченко... Да и крестная мать тайно крещенного родителями в католическую веру Иосифа — Нина Гамарник — постоянно разговаривала на этом языке. В школьных постановках у них даже существовала своя условность: чтобы изобразить старика или старушку, достаточно было начать говорить с украинским акцентом. Получалось смешно и правдоподобно.

Но здесь, в тесном купе вагона, украинская речь неожиданно показалась Иосифу чем-то совсем другим — словно невидимой стеной. Пожилые явно не хотели, чтобы их понимал случайный попутчик, и будто нарочно отгораживались от него своим языком.

Одно место в купе так и осталось пустым до самого Львова.

После Киева начал меняться и сам пейзаж. За окнами потянулись аккуратные села под черепичными крышами, костелы с острыми шпилями, станции с незнакомыми названиями и непривычная для его слуха западноукраинская речь соседей.

Иосиф молча достал учебники истории и географии и всю оставшуюся дорогу усердно зубрил материал к предстоящим экзаменам...

Следующим утром он проснулся от шума в коридоре вагона. Поезд стоял. Немного отодвинув шторку окна, Иосиф увидел длинное светлое здание вокзала. Старая часть — с высокими окнами, лепниной и тяжелым карнизом — напоминала дореволюционные станции, которые он раньше видел только в кино. Рядом тянулся более современный стеклянный фасад с бесконечными рядами темных рам.

Иосиф постарался как можно тише спрыгнуть с верхней полки и осторожно отодвинул дверь купе. Но выйти в коридор не смог. Все пространство оказалось заставлено огромными брезентовыми баулами, мешками и корзинами. Между ними теснились женщины — темно-волосые, смуглые, почти черные от южного загара. В цветастых платьях и платках, с золотыми коронками на передних зубах, они громко переговаривались между собой, размахивали руками и непрерывно двигали свой бесконечный багаж. На секунду Иосиф даже подумал, что это цыгане.

— Это уже Львов? — обратился он к ближайшей пассажирке.

Женщина звонко рассмеялась и махнула рукой:

— Та ні, це ще Тернопіль. Поїзд запізнюється. Ще їхати й їхати.

Лицо парня вмиг покрылось багрянцем смущения. Услышанное им украинское «запизнюється» прозвучало почти матерно.

— Дякую, — смущенно пробормотал Иосиф.

— Дякуй Богу, паничу, — ответила женщина и принялась поправлять свои баулы.

Слово «паничу» неприятно резануло слух. Оно встречалось ему прежде лишь в книгах о кровавой истории древней Руси. От него веяло чем-то чужим и злым. Иосиф впервые отчетливо почувствовал: он действительно уехал очень далеко от дома...

На подъезде к городу, поезд медленно сбрасывал ход. За окнами поплыли бесконечные стрелки, ряды путей и темные силуэты товарных вагонов.

И вдруг впереди выросло огромное светлое здание вокзала. Из-за массивного центрального купола и башенок по краям оно напомнило Иосифу старинный собор. Не хватало только колокольного звона.

Но еще сильнее его поразила сам въезд на перрон. Поезд плавно вошел под гигантский стеклянно-металлический навес. Над путями взметнулся целый лес железных ферм, арок и перекрытий. Сквозь мутноватые стекла высоко наверху пробивался полуденный свет. От этого огромный крытый перрон казался одновременно и заводским цехом, и каким-то дворцом из металла и дыма. Гул колес сразу стал глуше и тяжелее. Под сводами многократно отражались голоса, удары сцепок, свистки проводников, гул тепловозов и резкое шипение сжатого воздуха. В этот момент Львов показался приезжему туляку не просто городом, а настоящими воротами в другой мир...

Сойдя с поезда на львовском вокзале, Иосиф первым делом направился к воинской кассе. Билет ему был не нужен. Он просто рассудил: раз училище военное, значит именно здесь лучше всего знают, как до него добраться.

Возле окошка уже разгорался настоящий бой местного значения. Пышная женщина в фетровой шляпе с широкими полями что-то горячо доказывала кассирше. В ход шли не только претензии и возмущенные вздохи, но и широкие жесты.

— Я жена офицера! — то и дело звучал ее главный довод.

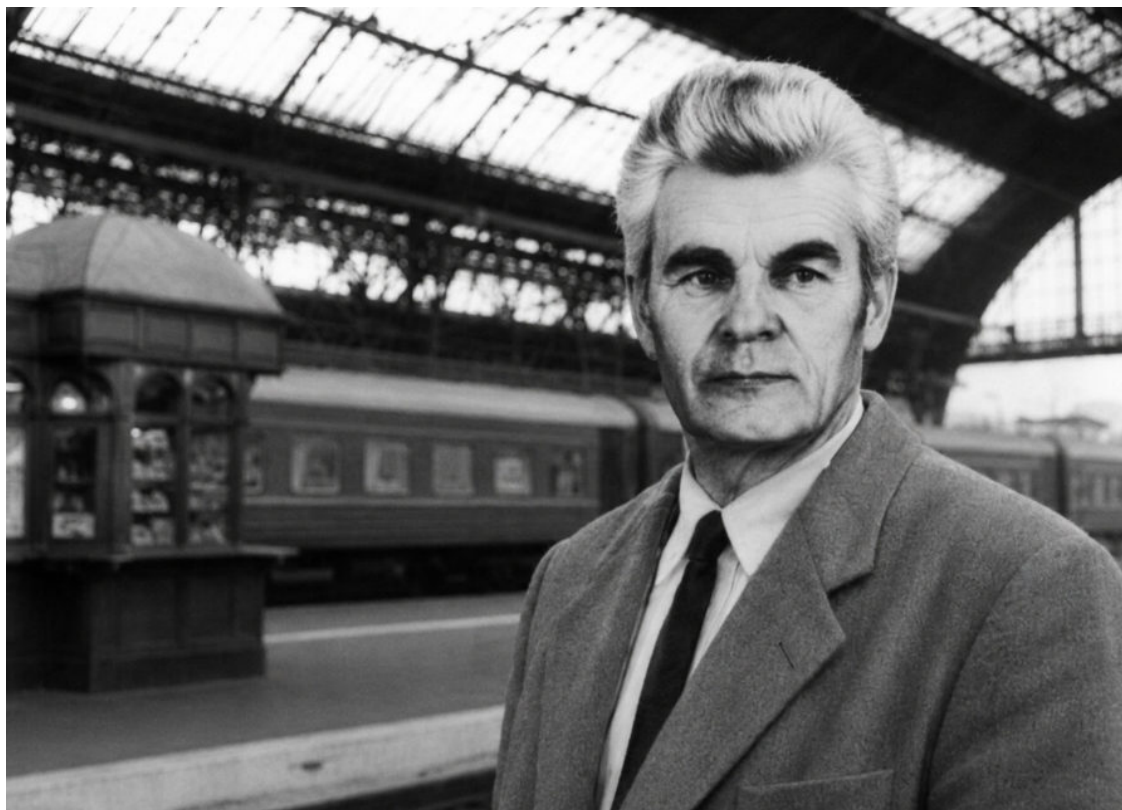
Женщина победно оглядывалась по сторонам, словно ожидала, что после этих слов все присутствующие немедленно встанут по стойке «смирно».

— Вы знаете, где мне побывать пришлось?! Я по жизни как жена декабриста!

Иосиф остановился в нескольких шагах позади. Подходить ближе он не рискнул. Во время эмоциональной речи эта воинственная особа так энергично размахивала руками, что запросто могла зацепить кого-нибудь из окружающих.

— Еще влепит ненароком, — подумал абитуриент и благоразумно остался на безопасном расстоянии.

Наконец, добившись билетов на нужную дату и, судя по всему, на самые удобные места, женщина стала расплачиваться. Даже протягивая деньги, она продолжала что-то недовольно выговаривать кассирше. Но буря уже стихала...

Иосиф сделал шаг ближе к окошку и почему-то в этот момент обернулся. Позади стоял высокий седовласый мужчина. Возраст уже тронул его волосы, но не фигуру. Незнакомец держался прямо, словно проглотил аршин. Широкие плечи, уверенный взгляд и безупречная осанка невольно выдавали человека военного. Даже в гражданском костюме он выглядел так, будто только что сошел с плаца.

Поймав на себе изучающий взгляд юноши, мужчина слегка улыбнулся.

— Проходите вперед, — даже не раздумывая предложил Иосиф.

Незнакомец покачал головой.

— Спасибо, молодой человек. Я подожду.

— Мне ж не за билетом, — Иосиф машинально отступил в сторону и рукой пригласил стоявшего позади пройти вперед. — Хотел только спросить, как доехать до военного училища.

Мужчина было открыл рот, собираясь что-то ответить, но, видимо, решил не вступать в спор.

— Спасибо, — он коротко кивнул и шагнул к кассе.

Его разговор с кассиршей занял всего несколько секунд. Мужчина что-то уточнил, поблагодарил и направился к выходу. Освободившееся место тут же занял Иосиф.

За стеклом сидела молодая девушка. Ее темные волосы были уложены в тонкую косу, венком охватывавшую голову. Кое-где среди прядей белели и краснели вплетенные мелкие цветочки. Иосиф невольно засмотрелся. Похожую прическу он видел на старых фотографиях своей бабушки Амалии — немки Поволжья. Тогда ему казалось, что так выглядели женщины какого-то ушедшего времени или далекой страны.

— Дівчино, як то мені проїхати до Львівського військово-політичного училища?

Лишь произнеся эти слова, он опомнился. Если бы в тот момент Иосиф мог увидеть себя со стороны, то наверняка решил бы, что у него волосы встали дыбом, глаза стали квадратными, а ноги от неожиданности подкосились. Откуда это взялось? Он никогда не изучал украинский

язык. Никогда не жил на Украине. Да и во Львове оказался впервые в жизни. И все же слова сами сорвались с языка, словно кто-то незримый вовремя подсказал их ему. Кассирша, впрочем, ничуть не удивилась.

— Сядешь на первый или девятый трамвай. Доедешь до центра. А дальше по Франко в сторону Стрыйского парка.

— А я не заблужаю? Бо боюсь загізнитися на екзамені.

Кассиршу этот говорливый парень, похоже, уже начинал утомлять.

— А язык тебе на что? — ответила она вопросом на вопрос. — Там спросишь дорогу.

— Щиро вам дякую. Гарного дня!

Иосиф сделал шаг назад от окошка.

— Да какой там «гарного»! — неожиданно окликнула его кассирша. — Тут говорят: «файного дня»!

— Файного дня! — исправился Иосиф.

Женщина впервые за весь разговор улыбнулась.

— Відтепер правильно.

Обернувшись в сторону выхода, Иосиф снова заметил седовласого незнакомца. Тот стоял в нескольких шагах и жестом подозвал его к себе.

— Тебе не в училище надо, — сказал он. — Экзамены принимают в учебном центре в Старичах. В военкомате должны были объяснить.

Иосиф растерянно покачал головой.

— Ни слова.

На лице собеседника промелькнула едва заметная улыбка.

— Бывает. Тогда езжай сразу на Стрыйский автовокзал. Оттуда ходят рейсовые автобусы.

Иосиф облегченно выдохнул.

— Спасибо.

— И еще...

Незнакомец достал из внутреннего кармана блокнот, быстро написал несколько строк, вырвал листок и сложил его пополам.

— Найдешь в учебном отделе подполковника Метхе и передашь ему эту записку.

— А что сказать? От кого?

— Он поймет. Я там все указал. Смотри, не потеряй.

Иосиф чуть было не козырнул в ответ, но вовремя вспомнил, что к пустой голове руку не прикладывают.

— Успехов тебе, — пожелал незнакомец и по-отечески похлопал парня по плечу.

Он развернулся и направился в сторону путей. У самой платформы мужчина остановился. Несколько секунд внимательно всматривался вдаль, словно кого-то ожидал или просто по привычке оценивал обстановку вокруг.

Иосиф осторожно расстегнул сумку, достал фотоаппарат и, стараясь остаться незамеченным, сделал единственный снимок. Щелчок затвора утонул в вокзальном шуме.

Сложенный вчетверо листок казалось жег карман и настойчиво просился быть прочитанным. Любопытство буквально распирало Иосифа. Кто этот человек? Что он там написал? Несколько раз по дороге на автовокзал рука сама тянулась к карману. Но каждый раз Иосиф вспоминал внимательный взгляд седовласого незнакомца и его короткое:

— Не потеряй.

Может, это была проверка. Может, вступительный экзамен в политическое училище уже начался?

Главный контрольно-пропускной пункт Львовского высшего военно-политического училища.

Взвейтесь соколы орлами

*Закипит тогда войною богатырская игра.
Строй на строй пойдет стеною и прокатится «ура».
Взвейтесь, соколы, орлами, полно горе горевать!
То ли дело под шатрами в поле лагерем стоять.
(русская народная)*

Упс, кажется, ошибочка...

Сумерки июльского вечера медленно окутывали местность. Дневная жара еще не отступила. Воздух был тяжелым и душным, насыщенным запахом пыли, бензина и разогретого солнцем асфальта.

Автовокзал на окраине Львова постепенно пустел. Редкие пассажиры торопились к выходу. Последние междугородние автобусы один за другим исчезали за поворотом. Лишь две многодетные семьи, похоже, обосновались в зале ожидания до самого утра. Вокруг громоздились мешки, корзины, узлы и баулы. Дети уже спали, свернувшись калачиком на вещах, а взрослые вполголоса переговаривались между собой.

Отдельно от остальных на дальней скамейке сидел молодой парень. Перед ним стоял потертый чемодан. Рядом лежала спортивная сумка. День у него выдался длинным и бесполовым. Из аэропорта он сразу отправился в военное училище. Таксист попался пожилой и неожиданно заботливый. Довез до самого КПП и даже дождался, пока пассажир сходит узнать насчет поступления. Там же его конкретно озадачили.

— Товарищ Ивановский, экзамены принимают не в самом училище, а в его летнем лагере. Вам надлежит следовать в Старичи, — сообщил дежурный по КПП лейтенант.

Александр потер переносицу.

— А где это?

На несколько секунд офицер задумался.

— Километров сорок отсюда будет... Или около того. Я, если честно, сам там еще не бывал.

На помощь неожиданно пришел таксист:

— По утрам туда автобус идет.

Абитуриент расстроено вздохнул:

— Мне что, на вокзале ночевать прикажите?!

Автовокзал выглядел необычно, почти футуристически — словно сооружение из будущего. Треугольное здание с плавно вогнутыми фасадами будто парило над землей, опираясь на массивные бетонные опоры. Оно напоминало наконечник гигантской стрелы или декорацию к фантастическому фильму о будущем. Вблизи, вдоль широкой Стрыйской улицы тянулись

одинаковые многоэтажки. Серые девятиэтажные дома выстроились ровными рядами, словно солдаты на построении. Их было так много, что отдельные здания сливались в одну бесконечную стену.

Скамейки были жесткими и неудобными. Но девятнадцать лет — возраст удивительный. В девятнадцать можно уснуть где угодно: в поезде, самолете, на полу спортзала и даже на деревянной лавке автовокзала.

Александр подложил под голову сумку и вытянул ноги. Лежа на спине, он долго разглядывал потолок, который состоял из сотен одинаковых углублений в форме пирамид и ромбов. Они уходили вдаль ровными рядами, образуя какой-то причудливый геометрический узор. Казалось, будто над головой нависли гигантские пчелиные соты, отлитые из бетона. Или... Александр невольно подумал, что именно так могла бы выглядеть шахматная доска для великанов.

Уснуть сразу не получалось. Мысли сами возвращались домой, в родной сибирский Ангарск.

На первый взгляд могло показаться, что родился он в обычной советской семье. Отец, Анатолий Алексеевич, окончил политехнический институт и долгое время возглавлял профессионально-техническое училище. Мама, Галина Федоровна, работала бухгалтером в городском управлении. Впрочем, это было лишь очередное звено в длинной цепи поколений Ивановских. Если копнуть глубже, история их рода плохо вписывалась в стандартные анкеты о рабоче-крестьянском происхождении.

Первое известное упоминание о предках относится еще к 1823 году. Тогда прапрапрадед Марк вступил в брак, а позже принял священнический сан. Его сын Алексей также посвятил себя духовному служению.

Сельский священник тех времен мало напоминал кабинетного богослова. Он жил среди крестьян, делил с ними все радости и беды, работал на земле, а порой и кулаками отстаивал свою правоту. Марк Ивановский был именно таким — рыжеволосым, крепким, вспыльчивым, но при этом человеком широкой души. Не чурался земных радостей и доброй чарки. Женщины его любили, а он отвечал им взаимностью. По утрам, даже в морозы, бегал нагишом к пруду окунуться. Сельчане поговаривали, что его здоровья хватило бы на троих...

Прапрадед Алексей пошел по стопам своего отца Марка — унаследовал его характер и продолжил духовную стезю. Однако уже на прадеде Константине эта традиция оборвалась. Еще в приходской школе он чем-то не угодил настоятелю храма и был отчислен. Тогда Алексей вступился за сына, да столь горячо, что дело закончилось дракой. За это его разжаловали в подьяконы.

Возможно, именно этот скандал спустя годы спас семью. Константин так и не стал священником. После революции его дети уже числились выходцами из крестьян, а не из духовного сословия. В новой стране это оказалось важным преимуществом. Его старший сын дослужился до начальника отдела кадров Сибирского военного округа. Дочь возглавляла колхоз и была награждена орденом Ленина.

Одного из сыновей — будущего деда нашего героя Александра — Константин назвал Алексеем. Видимо, в честь своего отца. Именно этот Алексей Константинович впоследствии стал директором винокуренного завода. Характер у него был веселый. Любил, как говорили в народе, принять на душу хмельного зелья и никогда не отказывался проверить его качество лично. За это нередко расплачивался синяками под глазами — супруга пыталась воспитывать мужа своими, весьма убедительными методами.

Спирт в те времена был не только выпивкой. В глубинке он нередко служил своеобразной валютой, способной решить множество бытовых вопросов. Семейное предание сохранило забавную историю. В дальнем углу домашнего погреба Ивановских стояла огромная дубовая бочка высотой почти по грудь взрослому человеку. В нее помещалось около восьмидесяти

ведер чистого спирта. Откуда она взялась — легко догадаться. Так вот, однажды в дом прибежал посыльный завода с запиской от отца. Он сообщал, что к ним вскоре нагрянут с обыском. Кто-то из завистников донес начальству. Супруга и дети перепугались. Не долго думая, они совместными усилиями выкатили огромную дубовую бочку из погреба в огород и опрокинули ее там. Буквально на глазах в том месте пожелтела трава, начали чахнуть молодые яблони, а посреди огорода появилось большое мертвое пятно, будто землю опалило невидимым огнем. Наверное, ни одна потеря в жизни не далась директору винокуренного завода так дорого, раз о ней до сих пор помнят его внуки и правнуки.

В семье любили вспоминать и о другой родственнице. Именно она в годы Гражданской войны, когда Сибирью еще правил адмирал Колчак, стояла у истоков создания Иркутского университета.

Александра не привлекали ни вековое духовное поприще предков, ни педагогическая стезя его иркутской родственницы и отца. Что делать? Куда податься?

Возможно, ответ появился гораздо раньше, чем он сам это понял. В свое время отец, Анатолий Алексеевич, проходил срочную службу в Забайкалье. Он хорошо рисовал, и однажды его привлекли к оформлению воинского клуба части. Руководил им выпускник факультета культурно-просветительной работы Львовского высшего военно-политического училища. Спустя годы Александр обнаружил в дембельском альбоме отца вырезку из окружной газеты. В репортаже с военных учений тепло отзывались о работе клуба и его художнике — рядовом Ивановском. Отцу тогда предлагали остаться в армии и даже собирались направить на учебу во Львов. Однако он отказался. Позже, по словам близких, об этом решении не раз сожалел.

С детства родители замечали у Александра любовь к чтению. Особенно его увлекали исторические книги, воспоминания фронтовиков и детективы. Поэтому в пятом классе отец подарил сыну книгу о политработниках Советской Армии. Именно в ней Саша впервые прочитал о Львовском высшем военно-политическом училище — признанной кузнице кадров для армейской печати.

— Думаю, отец не случайно подарил мне ту книгу. — скажет много лет спустя Александр. — Возможно, поступая во Львов, я в какой-то мере осуществил и его несбывшуюся мечту...

Мама, Галина Федоровна, была человеком сугубо мирным. Окончив профессионально-техническое училище по специальности швея, она, впрочем, ею никогда и не стала. Некоторое время трудилась в системе связи, на центральном телеграфе. Позже получила бухгалтерское образование и до самой пенсии работала в городском управлении водоканала. Военного увлечения своего первенца Галина Федоровна не разделяла. Впрочем, и препятствовать ему не пыталась. Мать считала, что каждый человек должен самостоятельно выбирать дорогу в жизни. Ту же простую истину мать внушала и младшему сыну, который был на восемь лет моложе своего брата...

Двенадцатилетний Александр записался в кружок юных корреспондентов при городской газете. Ребята выпускали школьную страницу «Барабанщик». Руководила ими молодая, энергичная, смелая и совершенно равнодушная к своему делу журналистка — Галя Амяга. Именно Галя, а не Галина. Никто из ребят не знал, была ли Амяга ее настоящей фамилией, творческим псевдонимом или своеобразным вызовом официозу. Да и не задумывался над этим. Высокая девушка с огромными темными глазами и носом с тонкой греческой горбинкой заметно выделялась среди сибиряков. В разговорах между собой кто-то даже называл ее «еврейской красавицей», хотя никто толком не знал, имелись ли для этого основания. Для большинства она была просто Галей — человеком, который умел зажигать других своими идеями.

Когда стало известно, что Александр собирается поступать во Львов, Галя неожиданно посерьезнела.

— Ты там будь поосторожнее, Саша, — предупредила она.

— А что такое?

— Бандеровцев в тех краях еще хватает.

Александр усмехнулся.

— Так наши с ними давно расправились.

— Да не со всеми... Немало этих волков переоделись в овечьи шкуры. Ты главное держи ухо востро и язык за зубами...

С легкой руки Амяги их страничка в газете получилась довольно дерзкой. Советскую власть никто не критиковал, но вот школьному начальству доставалось регулярно. Александр печатался там едва ли не в каждом выпуске. Возможно, именно поэтому после окончания десятого класса педагогический совет выдал ему весьма своеобразную характеристику. Одним из первых пунктов в ней значилось: «Склонен к критике вышестоящего начальства». Тогда эта фраза показалась Александру похвальной.

Позже выяснилось, что военные смотрят на подобные вещи иначе. Когда он впервые попытался поступить во Львовское высшее военно-политическое училище, документы вернули обратно. Кто-то из членов приемной комиссии даже подчеркнул злополучную строчку красным карандашом...

Родители подсказали выход из сложившейся ситуации. Александру пришлось поступить на филологический факультет Иркутского университета. На журналистику он попасть не успел — документы из ЛВВПУ вернулись слишком поздно. Однако этот год не пропал даром. После первого курса гражданского вуза студентов принимали в военное училище по упрощенной схеме. Нужно было пройти профотбор, творческий конкурс и сдать нормативы по физической подготовке. По сути, судьба давала ему еще одну попытку войти в ту же самую дверь, которая год назад захлопнулась прямо перед носом...

Александр проснулся от шума. Уборщица уже мыла полы и, кажется, нарочно гремела шваброй о ножки скамеек, давая понять, что ночь закончилась и пора вставать. За окнами серел предзвездный туман. Автовокзал постепенно оживал.

Желающих ехать в Старицы оказалось немного. Перед Ивановским в очереди стоял молодой мужчина. Коротко подстриженный затылок, уверенная осанка, солдатский вещмешок за плечом — все выдавало в нем человека военного.

— Не иначе офицер в гражданском, — решил Александр.

Светлая рубашка с закатанными рукавами и темные брюки этому впечатлению ничуть не противоречили.

Когда открылась касса, незнакомец уверенно попросил продавщицу:

— Будь ласка, квиток до Стариц.

Сказано это было настолько естественно и без запинки, что Александр невольно насто-рожился.

— Бандеровец, — машинально отметил он про себя.

Мужчина получил билет, поблагодарил кассиршу:

— Дякую.

От этой короткой фразы Ивановскому стало еще тревожнее. «Точно местный», — решил он.

Вскоре подошел автобус. Длинный львовский ЛАЗ кремового цвета с красной полосой по борту стоял на площадке, тарахтя двигателем. Ожидающие рейса пассажиры один за другим стали подниматься в салон...

Последние километры до Стариц автобус шел по узкой асфальтовой дороге. По обе стороны стеной стояли достаточно высокие лиственные деревья. Их кроны почти смыкались над дорогой, пропуская лишь отдельные лучи утреннего солнца. Конечно, этот западно-украинский лесок не шел ни в какое сравнение с дремучей сибирской тайгой, которую Александр знал с детства. Но именно здесь ему почему-то было не по себе. Тайга казалась суровой, но понятной, а этот лес — чужим и скрытным. «Может там до сих пор скрываются враги?» — мелькнула тревожная мысль.

Впрочем, очень скоро он потерял интерес к пейзажам за окном. В Александре неожиданно проснулся дух детектива. Все его внимание переключилось на загадочного пассажира из очереди. Тот словно не мог усидеть на месте. То перебирался на переднее сиденье и без умолку тараторил по-украински с водителем, то снова возвращался назад. Александр не понимал ни слова, но от этого лишь сильнее убеждался в своих подозрениях.

— Точно волк в овечьей шкуре, — думал он, украдкой наблюдая за незнакомцем...

В Старицах рейсовый автобус остановился у небольшого железнодорожного вокзала.

— А чего мы поездом сюда не поехали? — невольно удивился Александр.

Впрочем, времени на раздумья не было. Напротив вокзала их уже поджидал армейский автобус. Большие прямоугольные окна отражали летнее небо и верхушки деревьев. Закругленные углы, массивный передок и огромные боковые зеркала придавали машине основательный, почти корабельный вид. Казалось, этот автобус создан не для скорости, а для того, чтобы терпеливо наматывать километры. Возле открытой двери прохаживался курсант в звании сержанта. В руке он держал тонкую, почти метровую указку-трость, которой время от времени с сухим щелчком ударял по голенищу сапога.

— Абитуриенты ЛВВПУ! Абитуриенты ЛВВПУ!

Добрая половина рейсового автобуса сразу направилась к военному. Александр поспешил вслед за остальными. После прошлогодней неудачи он боялся отстать, опоздать или что-нибудь перепутать. Судьбу не стоило испытывать второй раз.

Уже сидя у окна, абитуриент из Сибири заметил, как рядом с автобусом остановилась военной раскраски «Буханка». настолько чистая, будто ее только что вымыли и отполировали.

За рулем сидела женщина. Рядом — еще одна. Обе ярко одетые, веселые, непрерывно о чем-то щебечущие между собой. Александр прильнул к стеклу. Женщина за рулем автомобиля для середины восьмидесятых было редким зрелищем.

— Ну и дела... — невольно пробормотал он себе под нос.

Тем временем тот самый «бандеровец» уверенно направился к «Буханке» и о чем-то быстро заговорил с женщинами. Все трое дружно рассмеялись. Через минуту пассажир уже устраивался рядом с ними на переднем сиденье.

— Вот же пройдоха, — с невольной завистью подумал Ивановский. — Такому точно в корреспонденты надо. Пять минут на месте — и уже со всеми знаком.

«Буханка» тронулась первой. Следом покатила автобус.

— И что они вообще в военном лагере потеряли? — размышлял Александр.

В его представлении советская армия и эти веселые женщины и мужчина, не говоривший по-русски, существовали где-то в совершенно разных мирах.

У контрольно-пропускного пункта они остановились. Из караульного помещения появился прапорщик.

— Выходим! Строимся в две шеренги!

А вот «Буханку» часовой пропустил без малейших вопросов. Машина уже почти скрылась за шлагбаумом, когда дверца распахнулась. На землю легко спрыгнул тот самый молодой мужчина. Перед тем как захлопнуть дверь, он послал женщинам сразу несколько воздушных поцелуев. Те в ответ весело замахали руками.

— Ну артист... — только и подумал Александр, наблюдая, как объект его утренних наблюдений уверенно направляется к их общему строю.

Когда все наконец притихли, прапорщик раскрыл папку. Началась перекличка. Фамилии звучали одна за другой. Последней назвали:

— Циммерман Иосиф!

— Я! — громко откликнулся тот самый «бандеровец».

Александр удивленно повернул голову. Циммерман? Он ожидал услышать какую угодно фамилию, но только не эту.

— Неужели еврей?.. — был ошарашен Ивановский.

В тот момент сибиряк даже не подозревал, что этим утром ошибся уже в третий раз...

За шлагбаумом

Увидев припаркованную возле здания вокзала военной раскраски «Буханку», Иосиф от удивления даже присвистнул. За рулем сидела женщина. Рядом с ней — еще одна. В ярких цветастых платьях с глубокими вырезами, они казались полной противоположностью этой суровой машине цвета темной хвои.

В его родном казахстанском Аккемире женщины тогда тоже уже водили технику. Сидели за рулем тракторов, работали на комбайнах. Но там это было необходимостью — в совхозе вечно не хватало рабочих рук. Здесь же, среди июльской зелени и тенистых аллей, эти две улыбчивые дамы рядом с военным фургоном казались персонажами какого-то кинофильма, случайно попавшими в чужой кадр. Образ женщины за рулем никогда не перестанет вызывать у него искреннее восхищение.

— Я Дон Кихот! — еще издали крикнул Иосиф, направляясь к их машине.. — Зараз звільню красунь із полону цього металевго чудовища. Далі пешком підемо!

Женщины дружно рассмеялись.

— А хто вам, хлопці, лимонад, сметану та коржі в табір возити буде? — весело спросила водитель. — Тільки на солдатській каші голова не дуже варить.

— А ти звідки будеш? — спросила другая.

— Из Казахстана.

— То-то чую, що не зовсім правильно по-нашому говориш.

В этот момент взревел мотор автобуса.

— По местам! Отправляемся!

Иосиф машинально обернулся.

— Та не переймайся, — улыбнулась водитель. — Сідай, хлопче, до нас. Все одно нам в одне місце їхати.

Тогда он еще не знал, что из окна автобуса за ним внимательно и весьма неодобрительно наблюдает один сибиряк...

Доехали быстро. У ворот учебного лагеря вышли и построились. Дежурный по контрольно-пропускному пункту, прапорщик, пофамильно сверил абитуриентов со списками.

— Пропускай! — приказал он часовому.

Словно салютуя прибывшим, полосатый шлагбаум взмыл вверх, открывая вчерашним школьникам дорогу в их новую жизнь...

За воротами КПП взглядам абитуриентов открылся широкий строевой плац. Огромное асфальтированное поле, расчерченное белыми линиями, было совершенно пустым. По периметру возвышались несколько добротных многоэтажных зданий, а вдоль дорожек тянулись стенды с фотографиями, схемами и лозунгами. Все вокруг выглядело ухоженным и основательным.

— Комфортно будем жить, — уверенно заявил сосед Иосифа по правую руку, с интересом разглядывая многоэтажные казармы. — А то я слышал, будто спать придется чуть ли не в лесу, без воды и туалетов.

— Отставить разговорчики в строю! — мгновенноотреагировал сопровождавший их сержант. Для пущей убедительности он поднял над головой свою длинную указку-трость.

Движением той же трости сержант указал строю следовать за ним направо. Многоэтажные казармы остались позади. Вместо них впереди, по левую сторону дороги, замаячили длинные невысокие здания из серого силикатного кирпича.

— Ну, тоже сойдет, — вполголоса произнес сосед и подтолкнул Иосифа локтем. — Не палатки же.

Но строй миновал и эти корпуса. Сотней метров дальше, справа от дороги, среди деревьев замаячили приземистые деревянные бараки.

— Не повезло нам, — теперь уже Иосиф толкнул соседа локтем и расплылся в улыбке. Тот лишь понуро опустил голову...

— На месте — стой! — прозвучала команда. — На-пра-во!

Перед ними прямо на траве высилась гора свернутых в рулоны матрасов. По торцам каждого тюка виднелись аккуратно вложенные в них синее байковое одеяло и подушка. На стоявших рядом столах лежали перевязанные бечевкой комплекты постельного белья. Когда-то оно, вероятно, было белоснежным, но сейчас его цвет уже трудно поддавался точному определению.

— Каждому по одному! — предупредил сержант. — Берем матрас, одеяло, подушку и белье. Затем сразу обратно в строй. Бегом!

Команда была выполнена с неожиданным энтузиазмом. Через несколько минут все абитуриенты уже стояли со спальными принадлежностями в руках. Сержант внимательно оглядел строй и неожиданно скомандовал:

— А тепе-е-ерь... Круууугоооом!

Колонна абитуриентов повернулась на сто восемьдесят градусов. Большинство сделало это на удивление правильно — через левое плечо.

И что бы вы думали? За их спинами, в небольшой низине, почти скрытые кустарником, тянулись ровные ряды защитного цвета армейских палаток. Неподалеку виднелись несколько длинных корытообразных ржавых желобов, над которыми на металлических стойках были закреплены трубы. Из множества просверленных отверстий тонкими струйками непрерывно текла вода. Судя по всему, именно здесь будущим курсантам предстояло по утрам умываться и чистить зубы.

— Это ж полный пипец! — сосед Иосифа выразил вслух то, о чем тогда, вероятно, подумали многие. Впрочем, слово, которое он произнес на самом деле, в печатном тексте воспроизводить не стоит.

Палаточный лагерь уже бурлил предэкзаменационной суетой. Группа Иосифа, похоже, прибыла последней. Во всяком случае, общей палатки им уже не досталось. Их разделили. По одному-два человека подселяли на свободные места в переполненные брезентовые шатры, рассчитанные всего на десять человек.

— Не переживайте, — успокоил сержант. — После первого экзамена сразу станет посвободнее. У нас тут бешеный конкурс — шестнадцать человек на одно место. Так что цацкаться ни с кем не будем. За малейшую провинность — чемодан в зубы и домой. Гуляй на гражданке, мальчик.

Кто-то недоверчиво усмехнулся, кто-то пожал плечами. Но большинство почти инстинктивно встало по стойке «смирно».

Иосифу досталось место на нарах буквально у самого входа в палатку. Свою постель он разместил там с большим трудом. Матрас пришлось согнуть чуть ли не пополам по длине.

Даже в тени деревьев чувствовалась июльская жара.

— Зато мне тут посвежее будет, — по-хозяйски заметил он, усаживаясь на свое спальное место. Его колени при этом торчали наружу из-под брезентового полога.

Вечером Иосиф обнаружил еще одно преимущество своего места у входа. Лежа на нарах, он мог наблюдать за всей жизнью палаточного городка. А посмотреть было на что. С наступлением сумерек лагерь словно преображался. Между палатками тут и там вспыхивали костры. Над ними вились сизые струйки дыма, пахло нагретой за день хвоей, влажной травой и печеной картошкой. Из ближайшей низины, где темнела гладь небольшого водоема, доносился многоголосый хор лягушек. Им вторили неугомонные сверчки. Казалось, сама летняя ночь решила принять участие в этом необычном сборе будущих курсантов. На другом конце лагеря негромко бренчали гитары и звучали популярные песни. Возле соседней палатки залиvistо играла гармошка. Ее бойкие, озорные переборы то и дело перекрывали остальные звуки.

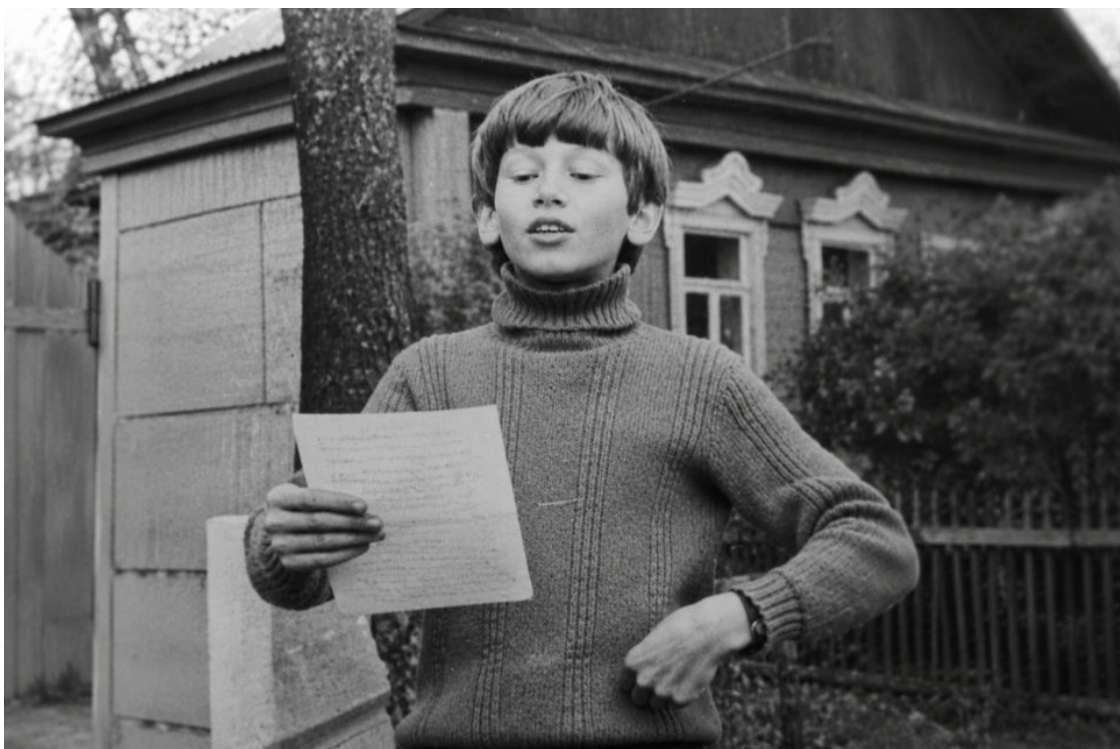
Иосиф петь не умел. Зато стоило гармонисту заиграть что-нибудь задорное, как он уже не мог усидеть на месте. Вскочив с нар, парень выбегал на свободный пятачок между палатками и под дружные хлопки зрителей лихо отплясывал краковяк. Высоко поднятая голова, горделивая осанка, быстрые притопы и стремительные повороты неизменно вызывали улыбки и аплодисменты. На несколько минут исчезали мысли о конкурсе, экзаменах и тревогах завтрашнего дня. Палаточный лагерь жил своей особой жизнью — шумной, молодой и удивительно беззаботной.

В такие моменты за его пляской издали и с явным неодобрением наблюдал худощавый младший сержант. Судя по черным петлицам и эмблемам в виде молний, он приехал поступать в училище из войск связи...

Сергиево имя

Деревенская улица тянулась вдоль бревенчатых домов, чьи окна украшали витиеватые резные наличники, а заборами палисадников красовались лилии и анютины глазки, и уже наливались соком разноцветные георгины. Проселочная дорога тянулась вдоль большого пруда, раскинувшийся в центре деревни, откуда доносился ор местной детворы, плескавшейся в теплой мутной воде. За огородами можно было увидеть огромные совхозные поля с брюквой и картошкой. В этот жаркий июльский день нагретая солнцем деревня источала какой-то понятный только ей аромат, наполняющий всю округу.

По дороге неторопливо шла девушка в цветастом платье. Светлые, волнистые от укладки волосы до плеч, пышным ореолом обрамляли ее лицо. Такая прическа сразу выдавала в ней приезжую. В деревне на подобную красоту время находили разве что перед праздниками да по субботам, когда в клубе устраивали танцы.

С недавних пор Нина снимала здесь комнату у одинокой старушки. Работала она в Московской области, но получить там жилье и прописку в те годы было делом почти невозможным. Так Нина и оказалась в Арсаках Владимирской области.

— И что за название такое — Арсаки? — не удержалась она тогда от улыбки. — Вслух выговорить-то неловко...

Из ворот одного из домов на улицу вышел сержант в парадной форме. Еще издали он приметил одинокую прохожую. Поравнявшись с ней, парень остановился, не сводя глаз с незнакомки. Но она прошла мимо, не замедлив шага и не удостоив его взглядом.

— Ты чьих будешь? — вопрос прозвучал уже ей вдогонку.

Нина остановилась и повернула голову.

— А тебе зачем знать?

— Вижу впервые.

— И что?

— Да ничего. Просто интересно.

Служивый улыбнулся и шагнул ближе.

— Слава, — протянул он руку для знакомства. — Из армии на побывку приехал. Отец у меня в сельсовете работает. Мы Харины. Может, слыхала? Вон там, на краю деревни, наш дом...

— А я Нина, — после небольшой паузы ответила девушка. — Хмелевская.

— Так ты и вправду не местная?

— Нет. Из Курской области.

— И надолго ты к нам?

Девушка пожала плечами.

— Как жизнь покажет...

Она осталась здесь навсегда. Через несколько месяцев молодые сыграли свадьбу. А два года спустя, 11 октября 1965 года, у них родился первый сын. По церковному календарю это был Сергиев день. Так мальчик получил имя Сергей...

— Я рос очень самостоятельным ребенком, — будет вспоминать позже старший из трех сыновей Хариных. — Родители с детства так приучили.

К тому времени семья уже переехала из Арсак в соседний Загорск. Они получили квартиру в одном из новых пятиэтажных домов на окраине города. Отец, Вячеслав Владимирович, целыми днями пропадал в воинской части, где трудился автослесарем. Мать, Нина Петровна, по образованию бухгалтер, но после рождения детей устроилась лифтером неподалеку от дома...

После школы Сергей поступил в Московское областное культурно-просветительское училище на отделение режиссуры самодеятельного театра. Сцена, творчество, репетиции, студенческие вечера — парень с головой окунулся в этот новый для себя мир.

Но студенческая жизнь продлилась недолго. После первого курса пришла повестка из военкомата.

— Я ехал в автобусе на призывной пункт и был уверен, что уже никогда не вернусь домой. — признается Сергей спустя годы. — Мне тогда казалось, что в армии я обязательно погибну.

Военная служба пугала девятнадцатилетнего парня. И в первую очередь — неизбежными физическими нагрузками. В пятом классе у него обнаружили проблемы с желудком и освободили от уроков физкультуры. К моменту призыва Сергей не отличался ни физической силой, ни спортивной подготовкой. Внешне он в те годы был типичным «мальчиком-одуванчиком» — тонким, худощавым, с густой светло-русой шевелюрой, непослушные пряди которой торчали во все стороны.

Первые недели в учебном подразделении связистов дались ему особенно тяжело. Новобранец едва мог подтянуться на перекладине, задыхался на кроссах и нередко оказывался в числе последних. Он видел, что заметно уступает другим ребятам и в силе, и в выносливости. Тогда Сергей четко осознал: хочешь не хочешь, а нормативы сдавать придется. Отступать было некуда. День за днем он заставлял себя бежать чуть дальше, подтягиваться лишний раз, терпеть там, где раньше предпочел бы сдаться.

Еще недавно он ехал в армию с уверенностью, что обязательно там погибнет. Теперь же, к собственному удивлению, все чаще ловил себя на мысли, что служба не так страшна, как представлялась раньше. Незаметно для самого себя Сергей менялся. С каждым месяцем становился крепче и увереннее. От прежнего робкого «мальчика-одуванчика», который когда-то боялся надеть солдатскую форму, почти ничего не осталось. Учебное подразделение он окончил одним из лучших...

Его дальнейшая служба проходила в Прибалтийском военном округе. Младшему сержанту Харину доверили отделение. Он не только уверенно справлялся с обязанностями командира, но и в свободное время начал писать для военной печати.

Однажды военкор отправил в окружную газету небольшую юмореску. В ней рассказывалось о том, как зимой бойцам приходилось спасаться от холода в плохо отапливаемой казарме. Публикация неожиданно вызвала резонанс. В часть прибыли проверяющие. Начались разбирательства, поиск виновных и выяснение причин, по которым солдаты жаловались на бытовые условия. В тот день начальник политотдела округа при всех подошел к младшему сержанту Харину и пожал ему руку. Сергей тогда впервые оценил силу печатного слова. В окружной газете его последующие материалы выходили уже с подписью «военкор»...

Командир батальона, в котором служил Сергей, казался ему на редкость требовательным. Однажды во время проверки территории подразделения он обнаружил валявшийся окуроч. Как водится, отвечать пришлось дежурному. В тот день им оказался сержант Харин. В наказании ему вклеили внеочередной наряд. Потом история повторилась. И еще раз...

Три внеочередных наряда подряд Сергей считал явной несправедливостью. Однако спорить с начальством было бесполезно. Тогда он решил действовать по-своему. Сергей написал историю о солдате, тяжело переживавшем измену любимой девушки. Лишь в конце выяснилось, что она его не предавала — все оказалось недоразумением. С этой рукописью младший сержант и подошел к комбату.

— Товарищ майор, разрешите обратиться. Я тут попробовал написать рассказ. Если будет время, почитайте. Мне просто интересно со стороны, как это смотрится, как читается.

Прочитав, офицер отложил листы и с улыбкой сказал:

— Ну, придумал ты тут, конечно, многое. Но получилось интересно.

По воспоминаниям Харина, после этого случая отношение комбата к нему заметно изменилось.

К концу службы сержант неожиданно поймал себя на мысли, что не хочет расставаться с армией. Еще недавно он боялся ее как огня. Теперь же все изменилось. Была и другая причина. В то время он тяжело переживал расставание с девушкой, которую по-настоящему любил. Возвращаться домой казалось сейчас невозможным. Поэтому Сергей решил поступать во Львовское высшее военно-политическое училище.

Когда он прибыл во Львов, выяснилось, что набор кандидатов из Вооруженных сил уже завершен.

— Куда вы приехали? — удивились в строевой части. — Опоздали. Военных уже набрали. Сейчас сдают экзамены только гражданские.

Для многих такой разговор стал бы точкой. Но не для Харина. Чего чего, а смелости у него тогда было хоть отбавляй. Увидев проходившего мимо генерала, Сергей без долгих раздумий обратился к нему. Объяснил, кто он такой, откуда приехал и как сильно хочет поступить в училище. Генерал выслушал внимательно.

— Разберитесь, — коротко бросил он сопровождавшим офицерам.

И этого оказалось достаточно. Внезапно вокруг младшего сержанта засуетились майоры и полковники. Ему оформили документы и отправили в учебный лагерь, где готовились к поступлению гражданские абитуриенты.

Экзамены Сергей сдал уверенно. Сочинение написал на четверку. Географию — на отлично. Литературу тоже. Однако спокойствия это не прибавило. В лагере только и говорили о бешеном конкурсе. Ходили слухи, что даже одних пятерок недостаточно для поступления. На одно место претендовали десятки человек. Сергей невольно присматривался к другим абиту-

риентам и порой думал: «И кого только сюда не набрали...» Особенно не понравился ему один парень из соседней палатки, который по вечерам отплясывал краковяк под гармошку. Говорили, что он уже коммунист. «Хохол», как прозвали его абитуриенты за постоянную украинскую речь, казался сержанту слишком активным. Из тех людей, которые всегда оказываются в центре внимания, считают, что все знают, все умеют и каждый свой шаг просчитывают наперед.

— Прямо выскочка какой-то, — решил тогда Сергей...

Ласточка перестройки

Июльское утро рождалось неторопливо. Между соснами и брезентовыми палатками стелились белесые полосы тумана. Влажная трава поблескивала росой. Где-то в глубине леса робко перекликались певчие птицы. Над темной кромкой деревьев уже разгоралось золото нового дня. Через мгновение солнце озарило верхушки сосен мягким янтарным светом.

Иосиф не спал. Лежа на самом краю нар, он наблюдал через приоткрытый полог палатки за пробуждением природы. Сегодня была суббота, 5 июля 1986 года. Его день рождения. Двадцать один год. Возраст, которому он еще вчера радовался бы без всяких оговорок. Но теперь эти цифры невольно тревожили. Именно на них ссылалась майорша из Тульского военкомата, когда отказывалась принимать его документы.

— Не положено. Для поступления в военное училище — не старше двадцати одного года.

Первый экзамен должен был состояться только в понедельник, 7 июля. Получалось, что каких-то два дня могли перечеркнуть его мечту стать военным журналистом...

Утреннюю тишину и лесную идиллию в ключья разорвал резкий сигнал горна:

— Та-та-та-тааа!

— Подъем! Форма одежды — голый торс! — вслед за сигналом прокричал горнист.

Птицы испуганно вспорхнули с ветвей. В палатках зашевелились люди. Кто-то застонал. Кто-то выругался спросонья. Кто-то принялся лихорадочно искать под нарами свою обувь. Еще минуту назад лагерь напоминал мирный пионерский уголок. Теперь он стремительно превращался в воинскую часть. Еще не успев толком проснуться, сотни абитуриентов высыпали из палаток и строились на утреннюю зарядку. Затем следовал многокилометровый кросс по лесным дорогам и тропинкам. После завтрака начиналась подготовка к экзаменам. Обед. Учебники. Конспекты. Справочники. Споры о билетах, конкурсе и проходных баллах. Ужин. И только вечером, до отбоя, лагерь ненадолго оживал по-другому. У костров звучали песни под гитару и гармошку, смех, шутки и разговоры о будущем. Но до этого нужно было прожить весь день.

После срочной службы несколько километров трусцой по лесным дорогам Иосифа не пугали. Он бежал в середине колонны, размеренно дыша и стараясь не сбивать темп. Под ногами мягко пружинила хвоя, где-то впереди поскрипывали ветви сосен, а по обочинам дороги еще клубились остатки утреннего тумана.

Мысли сами собой вернулись к записке, которую он все еще хранил во внутреннем кармане. Надо было обязательно разыскать подполковника Метхе из учебного отдела и передать ему послание от незнакомца с вокзала. Но не сегодня же. Иосиф невольно усмехнулся.

— У офицеров тоже, поди, выходные бывают, — рассуждал он на бегу.

Несколько абитуриентов едва поспевали за колонной. Сержант тут же прикрикнул на отстающих.

— Странная фамилия у подполковника. У немцев Метхе означает «девочка», — вспомнил он и улыбнулся. Сочетание военного звания подполковника и такой милой фамилии показалось ему забавным...

После завтрака абитуриентов повели к тем самым длинным одноэтажным корпусам из серого силикатного кирпича, мимо которых их строй прошел в первый день. Оказалось, что именно здесь располагались учебные аудитории. Снаружи корпуса выглядели просто и строго. Их длинные стены по обе стороны были прорезаны ровным рядом больших прямоугольных окон. Казалось, окна занимали едва ли не всю длину зданий. Вход располагался в торце. Поднявшись по нескольким ступенькам, абитуриенты вошли внутрь и оказались в длинном узком коридоре, который тянулся через весь корпус. По обе стороны одна за другой располагались

двери учебных классов. В дальнем конце коридора сквозь настежь распахнутую дверь виднелся следующий корпус.

Длинные ряды деревянных столов уходили от входа к противоположной стене. За каждым легко могли разместиться до десяти человек. На передней стене висела большая черная классная доска с остатками меловых записей от прежних занятий. Рядом стоял преподавательский стол. Над доской привычно смотрели со стены портреты Маркса, Энгельса, Ленина и Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева.

Сквозь окна щедро лился солнечный свет. Распахнутые настежь форточки впускали внутрь лесную свежесть и запах хвои. Казалось, сосновый бор буквально заглядывал в аудиторию.

Сержант беспардонно уселся на преподавательский стол, оглядел столпившихся у входа абитуриентов и неожиданно усмехнулся:

— Экзамены тоже тут сдавать будете. Поэтому советую завтра, в воскресенье, добровольно вылизать здесь все до блеска. Полы помойте, окна натрите. Чтоб задобрить, так сказать, преподавателей.

Абитуриенты скептически переглянулись.

— Можно еще скинуться и купить профессорам минералки и пирожных, — невозмутимо добавил сержант.

В аудитории послышались смешки.

— Ага, и цветы в вазе, — подхватил кто-то с задних рядов.

Даже сержант не удержался от улыбки.

— Цветы тоже не помешают...

Абитуриенты быстро заняли места за столами. В аудитории сразу стало непривычно тихо. Десятки голов склонились над учебниками. Лишь изредка тишину нарушал шелест переворачиваемых страниц да негромкое поскрипывание стульев.

В какой-то момент приоткрылась дверь.

— Разрешите? — послышался негромкий голос.

На пороге стоял курсант с красной повязкой дежурного по учебному центру. Он подошел к сержанту и что-то тихо сообщил ему на ухо. Сержант удивленно поднял брови, затем посмотрел в глубину аудитории.

— Циммерман!

Иосиф поднял голову от учебника.

— Здесь.

— На выход.

По классу сразу пробежал любопытный шепот.

— Товарищ сержант, а что случилось? — невольно спросил туляк, поднимаясь из-за стола.

— На выход, я сказал.

Иосиф почувствовал, как внутри неприятно кольнуло. «Неужели все-таки возраст? — мелькнула тревожная мысль. — Проверили свидетельство о рождении и сейчас отправят домой?» Он медленно вышел из-за стола и направился к двери, стараясь не показывать волнения...

У выхода из корпуса его поджидал среднего роста и коренастого телосложения подполковник. Его фуражка была зажата под мышкой. Темно-каштановые, слегка выющиеся волосы на вспотевшем лбу слиплись в отдельные пряди. Мягкие черты почти квадратного лица, светлые внимательные глаза и спокойная манера держаться совершенно не вязались с воинским званием. Во взгляде этого человека не было ни начальственной суровости, ни высокомерия. Напротив, он излучал какую-то располагающую доброту и почти отцовское участие.

Последние метры до офицера Иосиф прошел строевым шагом.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — четко выпалил сержант запаса, едва сдержавшись, чтобы по старой привычке не вскинуть ладонь к виску.

Однако подполковник не стал отвечать по уставу. Вместо этого он молча протянул руку. Иосиф слегка растерялся, но тут же ответил рукопожатием. Широкая мягкая ладонь крепко обхватила его кисть.

Светлые глаза внимательно и словно с каким-то скрытым интересом изучали лицо абитуриента. Прошла секунда. Другая. Третья. Иосифу показалось, что это затянувшееся молчание длится уже целую вечность. Наконец офицер едва заметно улыбнулся.

— С днем рождения! — поздравил он и предложил: — Пройдемся, подышим свежим воздухом.

Подполковник неторопливо направился вдоль аллеи сосен. Иосиф пошел рядом, все еще не понимая, чем вызвано такое неожиданное внимание к его скромной персоне.

— У тебя, кажется, брат тоже военный, — произнес подполковник. Невозможно было понять: спрашивает он или просто констатирует известный ему факт.

— Так точно, — отрапортовал Иосиф. — Прапорщик МВД.

— Одобрил твой выбор?

— Не знаю. Мы с ним не очень-то общаемся, — честно признался младший из Циммерманов.

Несколько шагов они прошли молча.

— Нас тоже много в семье, — неожиданно разоткровенничался подполковник. — И мы тоже казахстанские.

— Я с северо-запада Казахстана, — уточнил Иосиф. Однако куда больше его интересовало, откуда офицер знает про брата и почему вообще решил вызвать его из аудитории.

— Мы, Метхе, родом из Запорожья, — словно угадав его мысли, продолжил подполковник. — Нас в сорок первом сослали в Казахстан. И только сейчас удалось вернуться на Украину.

У Иосифа словно щелкнуло в голове. Неужели?.. Он торопливо достал из кармана сложенную записку.

— Вот... — немного смущенно произнес он. — Вам просили передать.

Адресат удивленно посмотрел на протянутый листок и осторожно взял его в руки. На лице мужчины мелькнула тень тревоги. Похоже, он пытался понять, от кого и по какому поводу пришла записка. Но уже после первых строк складка между бровей исчезла. По мере чтения его лицо заметно светлело. Несколько раз подполковник одобрительно кивнул, а уголки губ тронула улыбка.

— А где ты успел познакомиться с ним? — офицер указал взглядом на записку.

— На вокзале.

— На вокзале? — переспросил Метхе.

— Так точно. Мы случайно разговорились в очереди за билетами.

— И все?

— И все.

Офицер недоверчиво покачал головой.

— Ты хоть знаешь, кто такой Зубра?

— Никак нет, товарищ подполковник.

Метхе рассмеялся.

— Заместитель начальника училища по учебной части. Профессор философии. Один из лучших наших преподавателей.

Иосиф лишь пожал плечами.

— Он стоял за мной в очереди. И я пропустил его первым.

— Понятно... — задумчиво протянул Метхе. — В этом-то, наверное, все и дело.

Он еще раз посмотрел на записку.

— Знаешь, о чем здесь?

— Никак нет, товарищ подполковник, — ответил Иосиф. — Не положено.

— Ничего секретного...

Офицер снова развернул листок и протянул его абитуриенту. Там крупным размашистым почерком было написано: «Райнгольд, пожалуйста, обрати внимание на этого парня. Общительный и по-настоящему воспитанный. С уважением А. С. Зубра».

Иосифа в тот момент очень удивило то, что незнакомый человек решил ему помочь...

Метхе дождался, пока он дочитает до конца, затем забрал записку, аккуратно сложил ее и спрятал в карман.

— Ну что ж, теперь расскажи мне о себе...

— А разве вы еще не все мои секреты знаете? — не удержался и лукаво подмигнул абитуриент. — Про брата-прапорщика и многодетную семью я в автобиографии не писал. Там стоит коротко: «круглый сирота». И точка.

Подполковник из учебного отдела негромко рассмеялся.

— Не всегда можно судить о человеке лишь по его послужному досье.

Он неторопливо шел по аллее, время от времени обмахивая лицо снятой фуражкой.

— Вот ты, например, в своей автобиографии не написал, что умеешь шутить.

— Об этом не спрашивали.

— Видишь? Иногда несколько минут живого разговора дают о человеке больше информации, чем целая папка документов.

Они еще немного прошли молча. Сосны негромко шумели над головой, а из раскрытых окон учебных корпусов доносился приглушенный гул голосов. Неожиданно подполковник остановился. Светлые глаза офицера вдруг стали серьезными.

— Собственно говоря, ради чего я тебя разыскал...

Иосиф насторожился.

— Слушаю вас, товарищ подполковник.

— Если что-нибудь случится на экзаменах — не вздумай сразу уезжать домой.

— В смысле?..

— Всякое бывает. Переволновался. Неудачный билет попался. Завалил экзамен. Но ты горячку не пори.

Метхе сделал небольшую паузу.

— Я не всегда здесь. Однако в штабе знают мой номер телефона. Надо будет, потребуй, чтобы со мной соединили.

— Честно сказать, я боюсь экзаменов, — признался Иосиф. — Столько лет прошло после школы. Много забылось.

— Не переживай. Выложись по полной, на что способен. А дальше видно будет. Запомни, ты идешь вне конкурса. Достаточно на тройки сдать.

Иосиф даже остановился от неожиданности.

— А ты что думал? Не каждый день к нам поступают уже коммунистами. После срочной службы. Отличник Советской Армии. Отличник Чехословацкой Народной Армии. Сержант запаса.

Он снова посмотрел на Иосифа и слегка прищурился.

— Да и вообще, Циммерман, ты у нас ласточка перестройки. Наверное, первый советский немец, допущенный к поступлению в ЛВВПУ. Так что хочешь ты того или нет, а внимание к тебе будет особое. Смотри, не подведи!

Офицер остановился возле старой сосны. Его внимание привлек наплыв смолы на потрескавшейся коре. Некоторое время он задумчиво рассматривал янтарную каплю, затем вдруг произнес:

— Да, и еще...

Он повернулся к Иосифу.

— В командиры не лезь. Незачем тебе у курсантов грязь под ногтями проверять да за портянками следить. В свою срочную, поди, ты этим назанимался вдоволь.

Он помолчал, словно прикидывая что-то в уме.

— Пойдешь по комсомольско-партийной линии. Избирайся в секретари. У тебя для этого все данные.

Иосиф едва сдержал улыбку. Получалось довольно забавно. Он еще не сдал ни одного вступительного экзамена, не получил курсантских погон и даже не знал, останется ли через неделю здесь. А его уже определяли в комсомольские вожаки...

Странная география

Литературу и сочинение Иосиф сдал на четверки. Затем пришел черед физической подготовки. Абитуриенты бежали кросс, сдавали стометровку и подтягивание на турнике. Иосиф с удивлением заметил, что во Львове никто не требовал демонстрировать умение плавать. И тут же вспомнил забавный случай четырехлетней давности. Летом 1982 года он подавал документы в Тульское высшее артиллерийское училище. Не потому, что мечтал стать артиллеристом. Просто это был удобный повод бесплатно съездить в Тулу и повидаться с братом.

Среди высоких берез военного учебного центра под Тулой располагался небольшой мутный пруд. В нем абитуриенты сдавали норматив по плаванию. Перед экзаменом между ними метался какой-то прыщавый парнишка.

— Выручайте, братцы, — почти шепотом умолял он. — Я не умею плавать.

— Давай я за тебя поплыву, — неожиданно для самого себя предложил Иосиф. В родном селе он слыл настоящим утенком, который летом почти не вылезал из речки.

Подмена прошла незамеченной. Когда же в самом конце списка прозвучала фамилия Циммерман, ему пришлось низко опустить голову, чтобы экзаменатор его не узнал. С нарочитым акцентом казахстанец плаксиво признался, что плавать не умеет вовсе. Цель была достигнута. Еще один экзамен был благополучно провален...

Последним экзаменом при поступлении в ЛВВПУ шла география. Вытянув билет, Иосиф едва сдержал улыбку. Вопрос попался знакомый: «Великобритания — родина промышленной революции. Экономико-географическая характеристика страны».

Вот уж действительно повезло. Этот материал он буквально накануне вечером несколько раз перечитал в учебнике и даже мысленно повторил перед сном. Подготовка заняла совсем немного времени. Исписав половину листа тезисами, абитуриент уверенно подошел к столу экзаменационной комиссии.

— Великобритания первой в мире вступила на путь промышленной революции благодаря запасам угля и железной руды, выгодному островному положению и обширным колониальным владениям. Большую роль сыграла высокая плотность населения и развитие текстильной промышленности.

сокурсники

Иосиф на мгновение оторвался от своих записей и добавил от себя:

— Недаром говорят, что овцы «съели Англию». Ради пастбищ землевладельцы огораживали общинные земли, вытесняя крестьян. Лишившись земли, многие были вынуждены переселяться в города, пополняя ряды наемных рабочих и увеличивая численность промышленного пролетариата. Растущий спрос на ткани привел к появлению механической прялки, ткацкого станка, а затем и паровой машины. Текстильные фабрики стали локомотивом индустриализации, потянув за собой металлургию, машиностроение и транспорт.

Эта история с овцами почему-то особенно зацепила Иосифа. Возможно потому, что невольно заставляла сравнивать далекую Англию со своей родиной. По необъятным угодьям совхоза «Пролетарский», где он родился и вырос, кочевали бесчисленные отары овец. Животноводство наряду с земледелием приносило хозяйству основной доход.

Но дальше сходство заканчивалось. В Англии овцы когда-то помогли запустить промышленную революцию. В казахстанской степи о подобном даже не говорили. В поселках не было нормального водоснабжения, не говоря уже о центральном отоплении. Во время уборки урожая техника порой неделями простаивала из-за отсутствия самых обычных запчастей.

Шла перестройка. Газеты все чаще писали о накопившихся проблемах страны. Дефицит товаров давно стал привычной частью жизни. Люди невольно начинали сравнивать, задумываться и искать ответы. Вот и Иосиф тогда поймал себя на простой мысли: почему бараны в разных странах приводят к столь разным результатам?

Однако озвучивать подобные мысли вслух, да еще и на вступительных экзаменах в военно-политическое училище, он, разумеется, не посмел. Перестройка перестройкой, но испытывать судьбу ему в тот момент совсем не хотелось.

Иосиф замолчал и посмотрел на членов комиссии. Однако те словно не заметили этого. Один что-то писал на листе бумаги, другой перелистывал какие-то ведомости, женщина справа просматривала документы абитуриентов. Казалось, его выступление никого особенно не заинтересовало.

— Ответ закончен, — громко напомнил он.

Это подействовало. Несколько голов одновременно поднялись над столом. Но никто не спешил с оценкой.

— И это все? — наконец спросил невысокий, плотный мужчина с круглым лицом, лысеющей макушкой и отражающими как зеркало стеклами очков.

— Так точно.

— Негусто, должен я вам сказать.

Иосиф растерянно пожал плечами.

— Товарищ преподаватель, — после короткого раздумья произнес Иосиф. Другого обращения к члену комиссии он просто не придумал. — Так в учебнике примерно столько и написано.

— Между прочим, у меня есть фамилия, — недовольно заметил сидевший за столом мужчина. — Цивин. Старший преподаватель кафедры литературы. Впрочем, не думаю, что это вам пригодится.

Он снял очки, протер стекла платком. Затем снова посмотрел на абитуриента.

— Молодой человек, учебник дает основу. Но где ваши собственные выводы? Где личное отношение к материалу? Где имена, названия, живые образы? Представьте, что вам, как начальнику клуба, поручили провести беседу с солдатами. Вы точно так же сухо перечислите уголь, железную руду, овец, пролетариат и на этом закончите?

По лицам членов комиссии скользнули улыбки.

— Вообще-то я поступаю на журналистику.

— Тем более! — Цивин даже слегка привстал со стула. — Вот вы сказали что овцы съели Англию. Красивое сравнение. Сразу стало интересно. Почему не развили эту мысль дальше?

Сидевшая рядом с Цивиным женщина, шумно перелистывая бумаги, поправила абитуриента:

— Согласно спискам, вы идете на факультет культурно-просветительной работы.

— В смысле? — опешил Иосиф. — Здесь какая-то ошибка. Я подавал рапорт на журналистику.

— Циммерман... Циммерман... — женщина снова заглянула в документы. — Хм...

— И кучу газетных публикаций предоставил. У меня рекомендации есть.

Председатель поднял руку.

— Спокойно. Потом разберемся.

Он посмотрел на сидящих за столом.

— Тройка?! Единогласно...

— Почему тройка? — не выдержал Иосиф. — Я же ответил полностью на билет. Минимум на четверку.

— Ответили — да. Но не более того. У нас сейчас конкурс такой, что даже четверка вам уже не поможет.

Иосиф почувствовал, как внутри закипает раздражение.

— Ваше дело — оценить мои знания. Решать будет приемная комиссия. Я вообще-то иду вне конкурса.

Он резко развернулся и направился к двери.

— Молодой человек!..

Но Иосиф уже не хотел слушать. «Какой еще солдатский клуб? Какая культурно-просветительная работа? Я ни петь, ни играть не умею!» — негодовал абитуриент.

Сержант запаса почти бегом пересек двор учебного центра. Нужно было срочно найти подполковника Метхе. Офицер словно предвидел нечто подобное. «Если возникнут проблемы, в штабе знают номер телефона учебного отдела. Требуй, чтобы со мной соединили», — вспомнились Иосифу его слова.

Дежурный внимательно выслушал взволнованного абитуриента.

— Подождите на улице. Вас позовут.

Иосиф вышел на крыльцо штаба. Полчаса ожидания показались ему вечностью. Он то прохаживался вдоль дорожки, то присаживался на скамейку, то снова вскакивал на ноги. Перед глазами стояло лицо Цивина, а в ушах звучали его слова: «Впрочем, не думаю, что это вам пригодится».

Наконец на пороге появился капитан.

— Циммерман?

— Я.

Офицер молча проводил его в штаб, подвел к своему кабинету и кивнул в сторону телефонного аппарата на столе. Трубка уже лежала рядом.

— Подполковник Метхе на связи, — пояснил капитан.

Подойдя к столу, Иосиф осторожно взял трубку и поднес ее к уху. Как всегда некстати пересохло в горле.

— Алло... — с трудом и негромко выдавил он из себя.

— Иосиф, что у тебя там стряслось? — послышался в трубке знакомый голос.

На другом конце провода внимательно выслушали его сбивчивое объяснение.

— Странно... Очень странно, — голос Метхе стал серьезнее. — Выглядит так, будто кто-то пытается отдать твоё место другому. Причем за моей спиной.

У Иосифа по коже пробежали мурашки...

Уже после обеда его разыскал тот же капитан из штаба. Первым делом он распорядился переселить Циммермана в другую палатку.

— Там спят мурзилки, — пояснил штабист, чем вызвал у собеседника недоумение.

— Мурзилки? — перед глазами Иосифа сразу возник знакомый с детства желтый пушистый персонаж с красным беретом и фотоаппаратом через плечо.

Офицер усмехнулся.

— Так будущие культпросветработники вашу пишущую братву окрестили. А вы их бала-лайками называете.

— Забавно, — согласился Иосиф...

Новым соседом по нарам оказался военный. Судя по черным погонам и эмблемам, он служил в войсках связи.

— Иосиф, — протянул руку Циммерман.

Брови срочника мгновенно сошлись к переносице.

— Вообще-то мы в армии, — сухо заметил он. — Я бы попросил.

— Извините, товарищ сержант. Исправлюсь, — ответил сержант запаса в гражданском. Его губы при этом невольно дрогнули в ухмылке.

Особые надежды

В открытую форточку врывались звуки просыпающегося города. Где-то неподалеку грохнул на стыках рельсов трамвай, во дворе хлопнула дверь подъезда, у мусорных баков зло огрызнулась на кого-то дворовая собака. С улицы доносился гул автомобилей и приглушенные голоса спешивших на работу людей.

В стоявшей у стены кровати заворочался трехлетний мальчуган. Открыв глаза, он некоторое время с любопытством рассматривал солнечные зайчики, прыгавшие по выцветшему гобелену над изголовьем. Они то появлялись, то исчезали, складываясь в причудливые узоры. Малыш даже улыбнулся. Но очень скоро эта забава ему наскучила. Тишину комнаты разорвал требовательный детский плач.

Отец, возившийся у раскрытого шифоньера, еще не успел обернуться, как из кухни вбежала молодая мать, на ходу вытирая руки о фартук.

— Ну что ты, ну что ты, солнышко... Проснулся уже? Мама здесь... Не плачь, мой хороший...

Она быстро подхватила сына на руки и прижала к себе. Мальчик еще несколько раз всхлипнул, уткнулся носом ей в плечо и постепенно затих. Каждый раз происходило одно и то же. Стоило сыну открыть глаза и не увидеть рядом родителей, как ему начинало казаться, что его оставили одного во всем мире.

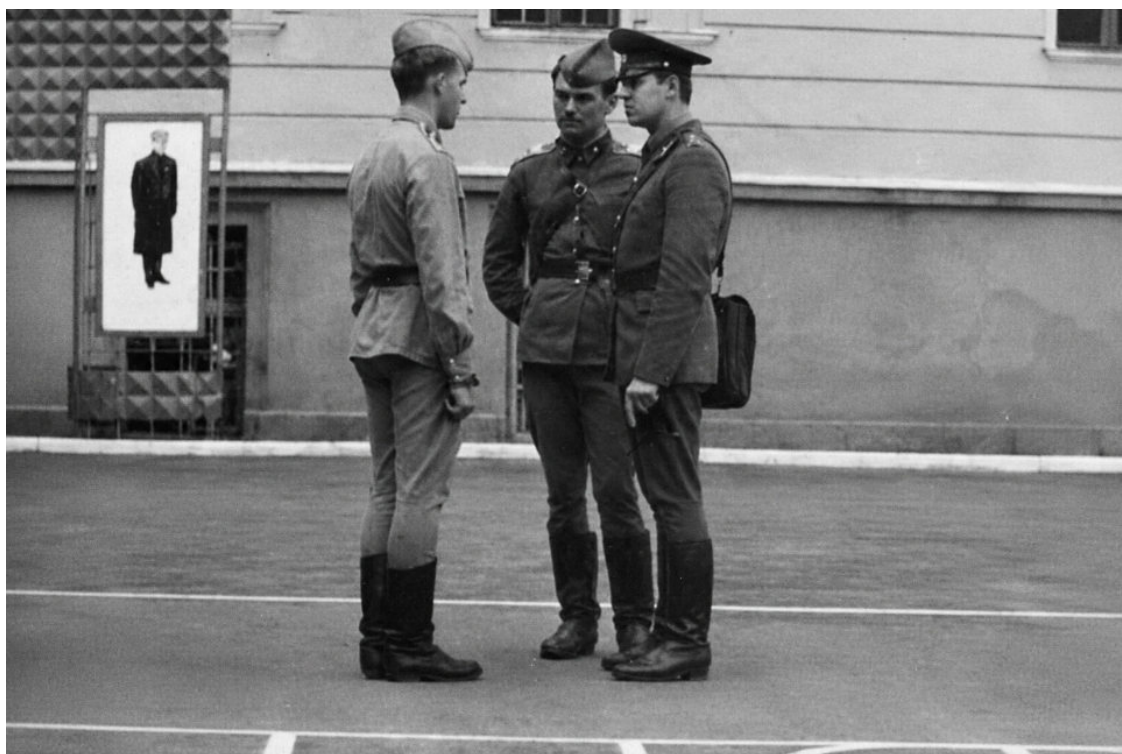
Убедившись, что ребенок окончательно успокоился, мать опустила его на пол.

— Ты надолго в этот раз? — спросила она обиженным голосом, выпрямляя спину. По одному взгляду было понятно: ответ ей известен заранее, но не устраивает ее.

Супруг замер с рюкзаком в руках. Несколько секунд молча смотрел на жену, потом тяжело вздохнул, развел руками и уронил на пол вещмешок. Этот разговор повторялся уже не впервые. Возразить было нечего. Она была права. Но и он не мог иначе. Такова была участь каждой офицерской семьи.

— Курс молодого бойца продлится месяц. Ты же понимаешь, это мой первый взвод в училище. Я и сам здесь только начинаю служить.

Еще несколько месяцев назад Хольнов и представить себе не мог, что окажется во Львове. До перевода в Прикарпатский военный округ он пять лет прослужил в Центральной группе войск — крупном объединении Советской армии, дислоцированном в Чехословакии. Служба складывалась неплохо. Аттестации были хорошие, командование относилось благожелательно. Ему даже раньше положенного срока предложили капитанскую должность — командира роты. Правда, им он так и не стал. В части хватало своих неписаных правил, знакомств и протекций. Едва успев вступить в должность, Хольнов лишился ее. Обидно было не столько из-за несостоявшегося повышения, сколько из-за ощущения, что с ним поступили несправедливо.

комвзвода И. Хольнов, старшина В. Кучерак и каптерицк А. Буров

Когда подошло время замены, он уже заслуженно рассчитывал на капитанскую должность. Старший лейтенант имел хорошую аттестацию и положительную характеристику на выдвижение. Выбор оказался невелик. Либо командир роты в дисциплинарном батальоне под Львовом, неподалеку от Верещицы, либо командир взвода во Львовском высшем военно-политическом училище. В училище командир взвода считался капитанской должностью и по служебному статусу соответствовал повышению.

Дисбат означал жизнь вдали от города и бесконечные проблемы с устройством семьи. ЛВВПУ предоставляло квартиру. Рядом находился детский сад для сына. А крупный город — бескрайние возможности трудоустройства супруги. Кроме того, училище давало заманчивую перспективу.

Старший лейтенант Хольнов принял свой первый курсантский взвод. Для его юных подчиненных в тот день начиналась новая жизнь. Впрочем, и сам комвзвода переворачивал очередную страницу собственной судьбы.

У немцев есть старая поговорка: Die Würfel sind gefallen — «жребий брошен». Именно это чувствовал Иосиф, подходя к вывешенным спискам. Вопреки всем опасениям, среди фамилий поступивших значилась и его собственная. Не помня себя от счастья, он поспешил уйти подальше от людских глаз. Ноги сами вынесли его на опушку леса. Там, среди деревьев, он наконец дал волю чувствам.

Нет, он не просто плакал. Он рыдал навзрыд. Перед глазами встали лица отца и матери. Что бы они сказали сейчас? Как бы радовались? Как бы гордились своим младшим сыном? Ведь из всех детей семьи Циммерманов он оказался единственным, кому удалось поступить в вуз. Для сироты это была не просто удача и не просто очередной жизненный рубеж. Это была победа. Наперекор всему: раннему сиротству, нужде, чужим прогнозам и той доле, которую, казалось, давно приготовила ему судьба. Он не только не сломался. Он сумел подняться на ступеньку, о которой когда-то боялся даже мечтать.

Слезы радости текли ручьем. Иосиф их не вытирал. Впервые в его трудной жизни они были вызваны не горечью, а невероятным счастьем...

Новоиспеченных курсантов выстроили на главном строевом плацу учебного центра в Старичах. К ним вышел начальник училища — генерал-майор Золотарев. Первое, что бросилось в глаза Иосифу, — его рост. Генерал заметно возвышался над окружающими. Высокий, подтянутый, с широкими плечами и прямой, почти безукоризненной осанкой, он больше походил на героя военного плаката, чем на человека из повседневной жизни. Темно-синий парадный мундир сидел на нем как литой. Золотое шитье на фуражке и погонах, аксельбанты, награды на груди подчеркивали его уверенность. Движения были точными и спокойными, без малейшей суеты. Даже воинское приветствие он отдавал как-то особенно — не механически, а с достоинством человека, привыкшего командовать тысячами людей.

Иосиф невольно залюбовался. До сих пор ему встречались военачальники высшего ранга совсем другого склада — чаще приземистые, грузные, с округлыми лицами, мешками под глазами и заметными животами. Такие тоже умели командовать, но выглядели скорее хозяйственниками, чем военными. Золотарев производил иное впечатление. В нем чувствовалась порода

кадрового офицера. Именно таким Иосиф и представлял себе настоящего генерала: высоким, стройным, уверенным в себе и словно отлитым из одного куска стали. На несколько секунд он даже поймал себя на мысли, что хотел бы когда-нибудь выглядеть так же.

Генерал поздравил собравшихся с поступлением в одно из лучших военно-политических училищ страны. Напомнил, что впереди их ждут годы напряженной учебы, бессонные ночи, полевые выходы и серьезные испытания на прочность.

— Сегодня вы сделали первый шаг к офицерским погонам, — говорил Золотарев. — Но право носить их еще предстоит заслужить. Учитесь, требуйте от себя больше, чем требуют командиры и преподаватели. Помните: армия нуждается не просто в специалистах, а в честных, образованных и преданных своему делу людях.

Военачальник сделал небольшую паузу и окинул взглядом строй.

— У нас в училище почти гимном считается одна народная песня. Ее словами я и хочу напутствовать вас в новую жизнь.

Он чуть повысил голос:

— Взвейтесь, соколы, орлами!

Строй ответил дружным одобрительным гулом. На какое-то мгновение Иосифу даже почудилось, как за его спиной расправляются крылья...

После общего построения начальник училища отдельно встретился с абитуриентами, поступившими из рядов Вооруженных Сил. В просторном кабинете генерал-майора Золотарева собралось около двух десятков человек. Большинство — сержанты, успевшие понюхать армейского пороха. Были и несколько рядовых. Лишь один человек оказался в гражданской одежде — Иосиф.

— А ты как сюда попал? — удивился его сосед по палатке, сержант, отказавшийся при первой встрече знакомиться. Впрочем, Иосиф уже успел узнать его фамилию — Харин.

— Приказали явиться, — пожал плечами Циммерман. — Вот я и пришел...

Речь начальника училища была короткой.

— Товарищи курсанты! Теперь я уже могу к вам так обращаться. В отличие от большинства ваших товарищей, вы пришли сюда не со школьной скамьи. За вашими плечами служба в рядах Советской Армии. Вы знаете цену дисциплине, ответственности и воинскому товариществу. Поэтому и спрос с вас будет особый.

Генерал обвел присутствующих взглядом.

— Сегодня мы вам доверим командование вчерашними школьниками. Для многих из них именно вы станете первыми наставниками и примером.

Золотарев слегка улыбнулся.

— Говорю вам совершенно серьезно. Если случится что-то важное — не церемоньтесь, хоть пинком сапога дверь моего кабинета вышибайте.

За спиной Иосифа кто-то едва слышно хмыкнул:

— Ага... Чтобы потом прямиком на гауптвахту загреметь.

Несколько человек с трудом сдержали улыбки. Генерал, похоже, тоже это услышал.

— Нет, товарищи курсанты, — офицер добродушно поддержал шутливый тон. — На гауптвахту вы попадете по личным причинам.

В кабинете раздался смех...

— А теперь за работу, — Золотарев деловито потер ладони. — Начнем формировать роты.

Через несколько минут все зачисленные в училище снова стояли на строевом плацу. Вышедшие из кабинета начальника училища срочники построились отдельно, инстинктивно занимая места по росту. Иосиф решил не портить своим гражданским видом их ряды и поспешил примкнуть к коробке в гражданском.

Впрочем, строем это скопище людей можно было назвать лишь условно. Оно больше напоминало неорганизованную толпу. Диме Невзорову приходилось едва ли не до боли в шее заирать голову, равняясь на стоявшего рядом высокого как тополь уйгура из Киргизии Арли Мамутова. А Вадим Курченко, наоборот, чуть ли не в три погибели сгибался, чтобы расслышать, что шепчет ему едва дотягивавший до метра шестидесяти пяти Юра Саранчев. Нужно было срочно выровнять курсантские ряды.

— Метр девяносто пять! — выкрикнул один из офицеров. — За мной становись!

Несколько рослых парней поспешили занять указанное место в колонне.

— Метр девяносто четыре!

— Метр девяносто три!..

Постепенно за офицером вырастала колонна курсантов примерно одинакового роста. Когда в ней набралось десять человек, офицер объявил:

— Первое отделение готово!

После этого он жестом подозвал стоявшего впереди строя бывших срочников сержанта или рядового:

— Принимай своих подчиненных!..

Иосиф стоял третьим в колонне очередного, еще только формировавшегося отделения. Следом за ним почти одновременно подбежали два совершенно разных типа. Они слегка потолкались, выясняя, кому стоять впереди, а кому сзади.

— Я метр семьдесят четыре, — заявил чернявый.

— И я тоже, — не сдавался русоволосый. — Зато я первым добежал.

— Всего на полшага, — возразил соперник.

Не сдержав улыбки, Иосиф обернулся.

— Тому, кто впереди стоит, больше всех от командиров достается, — шутливо предупредил он.

Блондин тут же уступил свое место.

— Александр Ивановский. Из Ангарска, — представился темноволосый и протянул руку. Иосиф еще не успел ответить на рукопожатие, как блондин сзади слегка потеснил сибиряка.

— А я тоже Ивановский. Только Игорь. Из Свердловска.

Такого совпадения явно никто не ожидал.

Однако удивляться Иосифу было некогда. К своему огорчению он заметил, что от строя военнослужащих к ним уже направляется сержант Харин.

— Принимай отделение! — приказал ему офицер.

Новоиспеченный командир остановился рядом со своим отделением и медленно провел взглядом по лицам курсантов. Заметив третьим в колонне своего недавнего соседа по палатке, Харин едва заметно поморщился. У него даже нервно дернулось веко...

Получив обмундирование, курсанты тут же принялись приводить его в порядок. Прежде всего требовалось пришить к повседневной форме погоны и петлицы, аккуратно подшить к воротникам гимнастерок белые подворотнички.

Сержант Харин буквально разрывался на части. Он то показывал, как правильно пришивать погоны, то объяснял, какой стороной крепить петлицы, то наглядно демонстрировал премудрости наматывания портянок. Одновременно ему приходилось заниматься и собственным обмундированием. Вокруг царил суета. Кто-то исколот себе все пальцы иголкой, кто-то пришил погон вверх ногами, а один из курсантов умудрился насквозь прихватить нитками воротник и спину гимнастерки.

Иосиф устроился чуть в стороне, под раскидистой елью, и спокойно, стежок за стежком, приводил форму в надлежащий вид. Подобная работа была ему давно знакома. В какой-то момент он достал из кармана заранее купленные два метра сержантского галуна, аккуратно сложенного змейкой. Эту тесьму он предусмотрительно приобрел в военторге. Нитка уверенно ложилась в ткань. Вскоре на погонах появились три ровные лычки сержанта — звание, с которым он около восьми месяцев назад уволился в запас...

На мгновение Иосиф задумался. Ведь на самом деле перед демобилизацией ему присвоили звание старшего сержанта. Правда в военный билет не успели внести изменение. Теоретически можно было написать в воинскую часть, запросить подтверждение приказа об очередном звании... А зачем? В младшие командиры он, как и советовал начальник учебного отдела Метхе, все равно не собирался. Для комсомольской и общественной работы вполне хватало и сержантских лычек. А через четыре года ему светили уже звезды лейтенанта...

— Иосиф, с какого края эти штуковины на петлицы крепить? — прервал его размышления Саша Ивановский. В руках он держал две новенькие позолоченные общевойсковые эмблемы — пятиконечные звезды в венках из дубовых листьев.

— Пять миллиметров от верхнего края петлицы до эмблемы, — не задумываясь ответил сержант и понимающе улыбнулся. Когда-то он и сам был таким же неопытным новобранцем.

— А это у тебя откуда? — удивленно кивнул Александр на его погоны с лычками.

— Так я же срочную полностью отслужил, — пожал плечами Иосиф. — Уволился в запас, поступил в политех. А потом передумал и снова в армию подался.

— Мне к вам теперь по званию обращаться? — Ивановский даже сделал шаг назад.

— Ну, если по службе — то да, — улыбнулся Иосиф. — А в свободное время и на «ты» можно. Мы здесь все курсанты. Я в командиры не рвусь... Поддай-ка линейку. Помогу тебе. Я и сам такие эмблемы впервые в руках держу. Служил в ПВО, у нас на петлицах пушки были...

Вскоре раздалась команда строиться. Курсанты поспешили занять свои места. Первые минуты сопровождалась обычной для новичков суетой. Кто-то искал свое отделение, кто-то путал группу. Ориентировались на тех, кто еще на первом после экзаменов построении по росту оказался впереди, сзади или рядом.

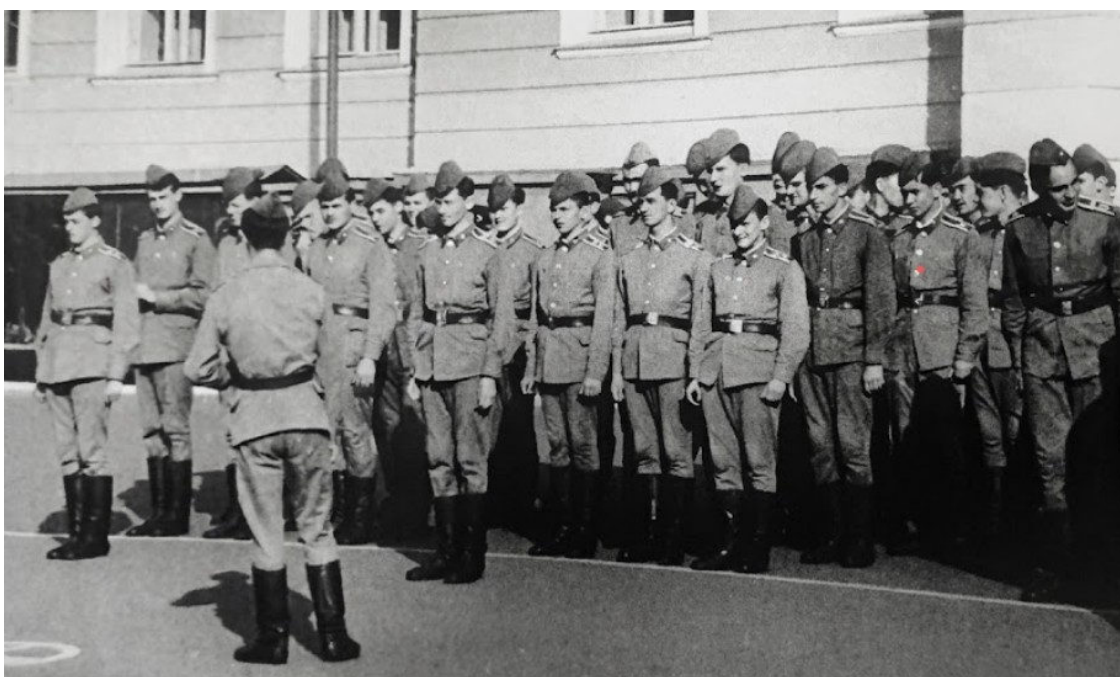
Новичкам коротко объяснили устройство подразделения. Именно тогда они впервые услышали номер своей роты — четвертая. Ее командиром оказался высокий широкоплечий капитан Топольский. Рота состояла из двух взводов. В первом взводе под командованием старшего лейтенанта Хольнова предстояло учиться журналистам первого курса. Во втором были журналисты второго курса.

Курсанты невольно завертели головами, пытаясь высмотреть старшекурсников.

— Познакомитесь с ними позже, уже в училище, — успокоил капитан. — Сейчас они сдают экзамены за первый год и собираются на летние каникулы.

— Вторая рота состоит из курсантов первого и второго курсов факультета культпросветработы, — продолжил он. — Обе роты входят в батальон, которым командует майор Витоль.

Стараясь запомнить, курсанты вслух и по несколько раз повторяли фамилии командиров и номера подразделений. Вчерашним школьникам, а их здесь было большинство, вся эта военная арифметика давалась пока нелегко.

— Командирам отделений к проверке внешнего вида приступить! — распорядился старший лейтенант Хольнов.

— Отделение, направо! — скомандовал сержант Харин.

Курсанты повернулись.

— Сейчас буду подходить к каждому. Представляетесь: «Курсант такой-то к проверке готов». Всем понятно?

— Так точно! — нестройно ответили в строю.

— Курсант Шевеленко к проверке готов.

— Курсант Портнов к проверке готов.

— Курсант Семенов... — не то чтобы заикаясь, но как-то невнятно промямлил третий. При первом построении после экзаменов его вначале не было. Зачисленного в курсанты москвича привели и поставили чуть позже. То ли он не расслышал команду, то ли просто не знал своего роста. Семнадцатилетний паренек выглядел по-детски растерянным.

— Курсант Семенов к проверке готов, — строго поправил его Харин и боком сделал следующий шаг вдоль шеренги.

— Курсант Увалиев к проверке готов, — вяло отозвался уроженец Казахстана, словно происходящее вокруг его совершенно не занимало.

Вчерашние абитуриенты еще мало походили на военных. Новенькая форма сидела на них неловко: у одних топорщились кители, у других ремни были затянуты слишком слабо, а кто-то то и дело ощупывал непривычные погоны и петлицы. Командир отделения делал замечания, поправлял пилотки, одергивал кители и заставлял подтягивать ремни.

Наконец он остановился перед Иосифом.

— Сержант Циммерман к проверке готов, — уверенно доложил тот.

— Надо говорить: курсант Цим... — начал было Харин и осекся. Его взгляд плавно опустился на погоны и остановился на трех сержантских лычках.

— А ты... почему здесь? — растерянно спросил он. — Тебе ж положено свое отделение..

— Не досталось, — пожал плечами и улыбнулся Иосиф.

Командир отделения резко повернулся и быстрым шагом направился к старшему лейтенанту Хольнову. О чем они говорили, отсюда слышно не было. Вернувшись, Харин первым делом приказал сержанту Циммерману встать во главе шеренги отделения. Рост в данном случае значения не имел — по строевому уставу впереди должен был стоять старший по воинскому званию. Лишь после этого он продолжил проверку.

— Курсант Ивановский к проверке готов, — доложил стоявший рядом темноволосый Саша.

— Курсант Ивановский к проверке готов, — эхом повторил следующий в шеренге.

— Близнецы, что ли?! — удивился командир отделения.

— Случайное совпадение, — почему-то глубоко вздохнул русоволосый Игорь.

Следом прозвучали фамилии курсантов, стоявших в хвосте: Сехин, Мирошниченко, Швец и Саранчев.

— Сержант Циммерман! — неожиданно над строем громко прозвучал голос капитана Топольского.

— Здесь! — отозвался Иосиф.

— На выход. С вещами.

На несколько секунд воцарилась всеобщая тишина. Иосиф недоуменно посмотрел по сторонам и развел руками. Не меньше удивились и его новые товарищи по отделению. Они только начали знакомиться друг с другом, а человека с сержантскими лычками уже куда-то забирали. По шеренге пробежал настороженный шепот. Одни решили, что произошла какая-то ошибка. Другие подумали, что бывшего сержанта переводят в другое подразделение. Сам Иосиф не знал, что и думать.

— Скатертью дорожка, — буркнул кто-то за спиной. Судя по голосу, Семенов.

Командир отделения Харин, пожалуй, воспринял происходящее без особого огорчения. Появление в его подчинении курсанта, успевшего отслужить срочную службу и носившего такие же сержантские лычки, с самого начала поставило его в неловкое положение. Теперь же проблема словно разрешилась сама собой...

— Взвод, смирно! — уже отходя от строя, Иосиф успел услышать команду старшего лейтенанта Хольнова. — За мной, в колонну по трое, становись! В парикмахерскую шагом марш!..

Через Киев в Тулу

— Постель оставь, — был краток посыльный из штаба. — Только личные вещи.

Взмахом руки он указал следовать в сторону КПП. Там уже виднелся крытый ЗИЛ. Кузов был заполнен солдатами срочной службы из батальона технического обслуживания училища. Крайние из них подвинулись, освобождая место сержанту.

Уже в дороге сидевший рядом рядовой бесцеремонно спросил:

— Че, отчислили?

— Отстань, — отмахнулся Иосиф.

Ему совсем не хотелось ни разговаривать, ни думать на эту тему.

— Сто пудов отчислили, — не унимался сосед по скамейке. Судя по расстегнутому кителю и лихо сдвинутой набекрень пилотке, старослужащий чувствовал себя в кузове хозяином. — К нам обычно таких дослуживать присылают. Тебе сколько осталось?

— В прошлом году демобилизовался.

Ответ озадачил не только собеседника. В кузове сразу стало тихо. Несколько человек удивленно повернули головы в сторону Иосифа. Но переспрашивать никто не решился. Остаток пути ехали молча.

— Надо обязательно найти подполковника Метхе, — неотступно вертелось в голове. — Гляди, и в этот раз выручит...

Когда-то пошел дождь, который быстро перерос в настоящий летний ливень. У Иосифа даже мелькнула мысль: а что, если сейчас высунуть лицо наружу и подставить его под водяную завесу? В водопаде никто не заметит слез. Может, тогда станет легче.

Но как назло дождь неожиданно прекратился. Сквозь разрывы туч вновь пробился солнечный свет. Улица Стрыйская, по которой они подъезжали к училищу, радовала глаз сплошной стеной свежей, только что омытой ливнем зелени. За деревьями угадывались многоэтажные жилые дома — одни старые, серые и немного строгие, другие светлые, с широкими рядами окон. Они словно выглядывали из листвы, не нарушая общего ощущения простора и покоя. Длинная прямая магистраль уходила далеко вперед, теряясь в дымке влажного летнего воздуха.

Вскоре по правую сторону движения дома и вовсе исчезли. На многие сотни метров потянулся густой парк. Над дорогой возвышались могучие дубы и каштаны, такие старые и толстые, что их стволы едва смог бы обхватить взрослый мужчина...

На контрольно-пропускном пункте им пришлось остановиться. Дежуривший там прапорщик внимательно посмотрел на список прибывших и неожиданно указал Циммерману на землю.

— А ты выходи.

Иосиф спрыгнул из кузова, по-прежнему не понимая, что происходит. В тот момент у него даже промелькнула мысль, что на территорию знаменитого Львовского высшего военно-политического училища ему не доведется даже ногой ступить.

— Товарищ прапорщик, — обратился он, приложив руку к нижнему краю пилотки. — Где бы мне здесь переодеться?

— В смысле? — не понял дежурный.

— Ну, в гражданское, — для наглядности Иосиф двумя пальцами оттянул на груди хэбэшный китель.

Несколько секунд прапорщик молча смотрел на него, словно пытаясь понять, шутит тот или говорит всерьез.

— Ты... прикалываешься? — наконец побагровел он. — Немедленно в главный корпус! Там на втором этаже тебя ждут в учебном отделе.

Повторять не пришлось. Циммерман буквально рванул с места. Душа воспрянула. Выходит, Метхе уже в курсе. Значит, еще не все потеряно...

Иосиф невольно задержался у входа. Сердце на мгновение замерло. Главный учебный корпус буквально давил своими размерами. Огромное четырехэтажное здание из светлого камня тянулось вдоль строевого плаца почти бесконечной стеной. Ровные ряды высоких окон, строгие линии фасада, массивный центральный вход с колоннами и тяжелыми дверями — все здесь дышало основательностью, порядком и какой-то особой государственной важностью. Здание не поражало роскошью или вычурностью. Напротив, его архитектура была строгой и сдержанной. Но именно эта монументальная простота производила сильнейшее впечатление. Казалось, корпус строили на века. Толстые стены, высокие потолки и бесконечные коридоры словно должны были пережить не одно поколение курсантов и преподавателей.

На фоне этого каменного исполина Иосиф вдруг почувствовал себя чуть ли не первоклассником. Еще несколько часов назад он ехал сюда с мыслью, что его жизнь в училище закончилась, едва успев начаться. А теперь стоял перед главным входом и мысленно молил всех святых, судьбу и даже черта — лишь бы ему позволили здесь остаться.

— А вот и наш Циммерман прибыл, — улыбнулась молодая женщина, пропуская Иосифа в учебный отдел.

Сержант даже не сообразил, что ответить. Он так быстро взбежал по широкой мраморной лестнице на второй этаж, что теперь едва переводил дыхание. Невысокая стройная незнакомка участливо похлопала его по спине и вышла.

Две юные секретарши, находившиеся в приемной, лишь на мгновение оторвались от своих бумаг и улыбнувшись приветливо кивнули. В проеме распахнутых двухстворчатых дверей виднелся хозяин кабинета. Заметив Иосифа, Метхе помахал рукой, приглашая войти.

— Ну, разреши тебя поздравить. — подполковник поднялся из-за стола и неожиданно обнял сержанта.

— Меня что, правда приняли? — выпалил курсант. Глаза предательски защищало.

— А ты что, на встрече с начальником училища не присутствовал?

— Конечно, был. Только зачем меня из взвода забрали? Я решил, что отчислили...
Метхе не выдержал и рассмеялся.

— Домой поедешь.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Иосифа.

— Это шутка?

— Нет.

— Значит, все-таки не приняли...

— Да что ты заладил одно и то же, как поцарапанная пластинка! — уже серьезно сказал офицер. — Приняли тебя. С завода тебя уволили по нашему запросу. А вот с партийного учета, согласно уставу, необходимо сниматься лично.

Циммерман шумно выдохнул. Будто гора свалилась с плеч.

— Слетаешь туда и обратно, — Метхе протянул ему авиабилеты и паспорт. — Лети в гражданском. Приказ о зачислении еще не подписан, да и парадно-выходной формы у тебя пока нет. За два дня справишься. Здесь тебя ждут областная конференция комсомола и двухнедельная практика в обкоме ВЛКСМ.

Иосиф молча смотрел на билеты, все еще не до конца веря услышанному...

Лететь предстояло через Киев. Там нужно было пересаживаться не только на другой самолет, но и добираться до другого аэропорта. В Тулу тогда, кажется, летали небольшие и старенькие Ан-24. Усевшись в аэропорту прибытия в такси, Циммерман первым делом поднял стекло дверцы.

— Это еще зачем? — удивился водитель. — Хочешь, чтобы мы тут задохнулись? Жара же на улице.

— Так это... пыли много, — неуверенно объяснил Иосиф.

Таксист громко рассмеялся.

— Ты откуда приехал?

— Из Львова.

— Да нет, где живешь?

— В Туле.

— И что, думаешь, у вас там этой атомной пыли меньше? — водитель покачал головой.
— Чернобыльское облако всю Европу накрыло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.